

Свящ. Антоний Лакирев

ФЕОФАН ИЗ КЕСАРИИ

Общедоступный
православный университет,
основанный протоиереем Александром Менем

Москва 2010

ГЛАВА ПЕРВАЯ

– Ты своей лампой мне весь стол закапал! Говорил же тебе: управляйся засветло! Работать пора, а ты тут дрыхнешь, как пьяный галл, – ворчал, прибираясь, центурион Витрувий.

Разбуженный грохотом деревянных сандалий центуриона, в углу заворочался писец, имя которого так легко выветривалось из головы Витрувия.

– Эй, как тебя там... Да проснись же ты наконец! – рявкнул, не выдержав, центурион.

Парень вскочил и огляделся, как будто не понимая, где он находится и как очутился в темной и душной постройке на заднем дворе муниципия.

– Как тебя зовут? Третий день не могу запомнить, – несколько смущенно, но уже мирно спросил центурион.

– Я Феофан из Кесарии, писец Александрийской префектуры, – весело провозгласил парень, – старый болван – этого он, впрочем, вслух произносить не стал.

– Фефефе Кесесе, – передразнил Витрувий его греческий выговор. – Можно подумать, ты – Гераклит Эфесский и префект претория разом... Ты все написал, префект?

– Восемьсот сорок. Осталось еще сто шестьдесят, на два дня работы, – ответил Феофан, которому спросонья было лень обижаться.

– Нет у нас этих дней. Вечером я должен взять твою пиджачину в Оксиринх, а туда дороги, сам знаешь... да в мои-то годы! – какие именно годы, Витрувий и сам в точности не знал. – Больше половины, – любил он повторять по поводу и без повода. На самом деле ему было около шестидесяти: в отставку он вышел года четыре назад.

– Ладно, иди завтракать, Дарий Ахменид, курульный эдил. На пустой желудок много не напишешь.

Ячменные лепешки и финики, принесенные центурионом из дома, оказались весьма кстати, не говоря уж о фляге пальмового вина: последний раз Феофан ел почти сутки назад, и его без того впалый живот настойчиво напоминал об этом прискорбном факте. Три дня назад он свалился на голову (и на кладовую) центуриону, принеся из Александрии свиток с приказом срочно заготовить «тысячу листов с текстом присяги Цезарю, Риму и богам. Половину указанного количества лично доставить в Оксиринх. Для изготовления бланков к вам направляется младший писец Александрийской префектуры. Содержание писца и заготовка папируса – за счет Фаюмского муниципия. Образец прилагается».

– Образец бездельника и лоботряса, – добавил Витрувий, когда прочитал приказ и взглянул на растрепанную фигуру младшего писца. – Тебе сколько лет, образец? – спросил он Феофана. Тогда-то и услышал он впервые фразу:

– Я Феофан из Кесарии, писец Александрийской префектуры, и мне двадцать лет.

...Лепешки быстро закончились, – как все хорошее, – назидательно заявил центурион. Пора было браться за работу.

– Садись, пиши, и чтобы к девятому часу все доделал, – распорядился Витрувий, и, не прощаясь, вышел. – Я быстро, – предупредил он, переступая порог, как будто оправдывался.

Феофан расставил на столе сосуды с чернилами, заточил трость, потом, на всякий случай, еще одну, пододвинул первый папирус и, высунув язык, застрочил, быстро макая перо в краску.

«Избранным ради жертв поселения, – пропуск на 16 букв – Фаумского округа. От – пропуск на 12 букв – из – пропуск на 20 букв – лет от роду, особые приметы: – пропуск строки. Я и всегда приносил жертвы богам и теперь в вашем присутствии, согласно с эдиктом, я принес жертву и совершил возлияние и вкусил жертвенных мяс. Прошу вас подписаться. Желая благополучия. – пропуск на 12 букв – подал это прошение.

Я, – пропуск на 12 букв, – свидетельствую в качестве участника, что податель сего принес жертву вместе с нами. В первый год самодержца Цезаря Гая Мессия Траяна Деция благочестивого благополучного Августа.

На двадцатом папирусе рука заныла так, что хотелось оторвать ее; привалившись спиной к стене, Феофан прикрыл глаза. Соседский раб, за какие-то провинности побы-

вавший в каменоломнях, рассказывал ему, что обессилевшие люди приваливаются к камню и тихо умирают.

«Я тоже когда-нибудь так сдохну, – подумал Феофан, – во имя Осириса, зачем мне это надо?»

Сердце его содрогнулось от жалости к себе; думать о том, что пахать землю или рубить камень было бы куда хуже, не хотелось.

* * *

В это мгновение в дверь постучали – Феофан чуть не подпрыгнул от неожиданности. В комнату вошел немолодой бородатый человек, ростом едва доходивший Феофану до плеча. Он тяжело дышал от жары; руки его сжимали углы полосатого платка, покрывавшего лоб и спину. Когда-то белый хитон, явно с чужого плеча, понизу приобрел оттенок рыжей земли.

«Интересно, сколько дорог подмел этот хитон, прежде чем его владелец добрался сюда?» – подумал Феофан.

Человек мялся, не зная с чего начать разговор...

– Видишь, Витрувия нет, он куда-то умчался, сказал – будет скоро. Я не здешний, ничего тут не знаю, – быстро пробормотал Феофан и потянулся за следующим папирусом. Невольно он вспомнил, что видел этот жест у префекта, который специально держал на столе груды исписанных листков, чтобы посетители видели, как он страшно занят.

– Да я, собственно...

– Только не говори, что заскочил передохнуть с дороги. Что тебе нужно от центуриона? Кого-то в деревне ограбили? Или, может быть, ты сам... – съехидничал, не удержавшись, Феофан...

– Говорят, ты пишешь либелли? – неожиданно спросил человек, глядя на стопки папирусов.

– Кто говорит? На рынке ты это услышал или Витрувий в кабаке сболтнул? Дело государственное, тебя не касается.

– Как знать, может и касается.

– Вот вызовет тебя Витрувий, тогда и коснется. Сам же видишь, сiju, пишу. Рука уже отваливается писать. Тебе-то что?

Человечек помолчал, прицеливаясь в Феофана взглядом.

– Сколько ты написал?

Второй раз за утро Феофана спрашивали об этом!

«Боги торопят», – подумал он с изумлением.

– Восемьсот шестьдесят. Должна быть тысяча.

– Ага, – протянул, прищурившись, человек. – Наверное, половина для Оксиринха?

– Ты откуда знаешь?! – поразился Феофан.

– Ну конечно, ты еще молод... Видишь ли, либеллум – совершенно ненужная вещь, их не пишут даже когда новый император восходит на престол...

– Цезарь Деций здоров и на своем месте!

– Что здоров, это хорошо, а вот на своем ли он месте – это еще большой вопрос...

– Ты соображаешь, что плетешь? Ты слышал когда-нибудь об оскорблении величия?

– Увы, мой мальчик, об оскорблении величия я слышал куда чаще, чем о самом величии и подозреваю, что в жизни бывает либо то, либо другое.

– Это как?

– Ну, или величие, или разговоры о его оскорблении. Интересно, почему так бывает?

– Ты все-таки не забывайся! Центурион представляет здесь Цезаря и римский сенат, так что его дом – продолжение претория.

– Сам преторий, пожалуй, почище, – сказал человек, присматриваясь к столу.

– Ты что, бывал в Риме?

– Бывал, и не раз, если хочешь знать, но дело не в этом. Так вот, либелли, мой юный друг, нужны только когда Цезарь издает эдикт против христиан. Так уже было лет тридцать назад, если не больше. Ты тогда еще не родился. Здесь, в Фаюме, нужно привести к присяге всего человек триста-четыреста. Значит, остальное ты должен отправить в Оксиринх.

– Наверное, так и есть. Все равно не понимаю, причем здесь христиане и зачем нужна эта присяга.

– Все просто: в обитаемой вселенной принесут присягу абсолютно все, и все получают твои либелли – кроме христиан и иудеев. Но иудеям, во-первых, можно, во-вторых, они не скрываются, а в-третьих их здесь нет. Значит, все, кто не подпишут либелли – христиане.

– А, вот они и попались! Подлые изменники! Христиан – ко львам! – захохотал Феофан.

– Ты в самом деле полагаешь, что в этой глухой деревне на краю пустыни, в тысячах миль от Рима, может быть измена? Кого тут предавать? Трех коз Витрувия, достояние великой империи?

– Гений императора повсюду!

– Что ты говоришь? – улыбнулся человек, притворно заглянув под лавку. Феофан открыл рот от такой наглости:

– У нас в Александрийской префектуре тебя бы немедленно распяли!

– Благодарение Богу, мы не в Александрийской префектуре. Так или иначе, ты пишешь либелли, значит, эдикт и вправду есть. Да, времена доброго Александра Севера давно миновали... Как тебя зовут? – наконец-то заинтересовался странный посетитель.

Нет нужды пояснять, что ответ был заготовлен заранее:

– Я Феофан из Кесарии, писец Александрийской префектуры!

– А я Иаков из... ну, пусть будет из Пеллы. Я... м-м... торговец. И я хочу купить у тебя твои либелли. Не все, конечно, два десятка. Я заплачу по динарию за пару – или, может быть, ты предпочтешь парфянское серебро?

– Только не парфянское, а то еще обвинят в измене!

– Хорошо, пусть будут динарии. Десять динариев – неплохие деньги.

– Э, постой, я не сказал, что согласен.

– Следовательно, двенадцать?

– А что я скажу Витрувию?

– Скажешь, что опрокинул чернильницу, – Иаков подмигнул и, в самом деле, аккуратной круглой лужицей разлил чернила по столу.

– Все, теперь Витрувий меня убьет за свой стол – он трясется над ним, как над честью дочери. Уже запил меня с утра...

– Ерунда, с кем не бывает! Скажи Витрувию, что я толкнул стол, – он знает, какой я неуклюжий.

Иаков вытащил из складок хитона мешочек с монетами, отсчитал двенадцать динариев и выхватил изрядную стопку папирусов. По-хозяйски отсчитав свои два десятка, он поклонился и выскользнул из комнаты.

Феофан промокнул чернила мятым папирусом и принялся скоблить стол, недоумевая, зачем могли Иакову понадобиться либелли?

И тут, в самый неподходящий момент, явился Витрувий.

– Тебя что, прислали портить мое имущество? Ешь мои лепешки, пьешь мое вино, – да еще и пачкаешь мой стол! Ночью масло, теперь вот краска – во что он превратится, когда ты наконец закончишь? Ты, кстати, закончил?

– Каким образом? Ты ушел совсем недавно, – к тебе заходил какой-то Иаков из Пеллы. Он был пьян, толкнул твой любимый стол и разлил краску.

– Не болтай ерунды! Иаков не пьет по утрам. Что ему было нужно?

– Не знаю, он не сказал.

– А спросить у тебя язык бы отвалился? Ладно, если я ему нужен, придет еще раз. Хотя, конечно, любопытно...

Поздним вечером того же дня Витрувий, взгромоздившись на осла, повез полтысячи листов папируса в Оксиринх.

– Можешь заночевать здесь, только во имя Осириса, не пачкай стол. Еды у меня нет, так что на вот, возьми драхму и поешь на постоялом дворе в двух кварталах отсюда, – сказал он Феофану перед отъездом.

Феофан догадывался, что центурион просто не хочет, чтобы он опять пролил что-нибудь на его драгоценный стол, но спорить не стал и отправился на поиски харчевни. Пройдя пару кварталов («и как могло прийти в голову называть кварталами эти закоулки», – с апломбом столичного жителя подумал Феофан), он обнаружил размалеванную деревянную вывеску, сообщавшую миру, что здесь помещается заведение под названием «Красный ибис» – это и была харчевня.

Низкое помещение уходило шагов на десять вглубь от улицы; у задней стены помещался очаг, вокруг которого суетился темнокожий раб-нубиец. За двумя длинными столами сидело человек пять-шесть; между столами с кувшином и полотенцем в руках прохаживался сам содержатель почтенного заведения, судя по виду – такой же отставной солдат, как и Витрувий.

Все помещение было пропитано запахом рыбы, жарившейся непосредственно на очаге; шипение капель сока на углях было слышно даже сквозь болтовню посетителей.

«Сойдет», – подумал Феофан, окинув взглядом харчевню, и уселся на широкую скамью у стены.

Неторопливо поедая вареную полбу и рыбу с ячменной лепешкой, он увидел знакомую приземистую фигуру того, кто утром представился ему как Иаков из Пеллы. Тот вошел в харчевню, поздоровался с хозяином, и они вместе удалились на задний двор. Через пару минут Иаков вышел, держа под мышкой отменный пшеничный хлеб. Феофан удивился: когда он попросил у хозяина хлеба, тот сказал, что он весь кончился.

«Вот как, значит, для подозрительных покупателей государственных документов хлеб есть, – подумал Феофан. – А для подозрительных продавцов государственных документов – нет», – не без иронии добавил он про себя.

Любопытство разбирало его, а делать все равно было нечего: никаких развлечений, даже самого сомнительного рода, затерянное в пустыне поселение не предлагало. Недолго думая, он сунул хозяину харчевни выданную Витрувием потертую монету и вышел вслед за Иаковым.

Тени на улице уже начали растворяться, быстро темнело. Иаков, не оглядываясь, шел к северной окраине городка. По дороге к нему присоединились еще двое, так что Феофан засомневался, стоит ли провожать такую компанию.

«А вдруг затевается мятеж?» – подумал он.

Утреннее замечание Иакова насчет предательства трех коз Витрувия его не впечатлило: в Александрийской префектуре ему не раз приходилось записывать допросы мятежников, чаще, впрочем, мнимых. На самом деле боль-

шинство из них было обыкновенными разбойниками, грабившими купцов и крестьян, но префект требовал, чтобы два раза в месяц кто-нибудь из них был обвинен в измене Цезарю.

В протоколах допросах обычно писали, что они разведывали пути для парфянской армии или замыслили убийство Цезаря: раз в месяц одно и раз в месяц другое. Кому везло, тех судили как разбойников и ссылали в каменоломни между Нилом и Пунтом, а кому не везло – тех распинали как мятежников.

Смотреть на эти казни Феофан не любил: однажды ему приснилось, что его самого распинают, и потом каждый раз он примерял их мучения на себя. Воодушевления это отнюдь не прибавляло.

Процессия, пробиравшаяся на окраину городка, становилась все подозрительнее: к ней присоединился еще один человек, на этот раз – женщина. Между домами здесь было свободное пространство, и красться за ними становилось все труднее.

Наконец, едва ли не из-за предпоследнего угла, Феофан увидел, что Иаков и его спутники свернули к довольно большому дому; кому он принадлежал, чужой здесь Феофан, конечно, не знал. Дом был солидный и сам по себе подозрений не внушал. Иаков постучал (Феофану показалось, что стук был особенный, наверняка условный) и ему немедленно открыли. Какой-то человек с лампой в руке внимательно посмотрел на пришедших и по одному пропустил их внутрь. Свет лампы в дверном проеме показался

Феофану очень ярким, – только сейчас он заметил, что уже совсем стемнело.

«Ну, и зачем ты за ними шел? – спросил он самого себя. – Что теперь-то будешь делать? И как ты собираешься искать в темноте дом Витрувия?»

Обойдя дом, он увидел со стороны пустыни открытое окно, завешенное какой-то тканью. Изнутри прозвучал мужской голос:

Хватит одной лампы, лучше уберем занавеску, будет легче дышать.

Занавеску убрали.

Феофан подошел к окну и прислушался. То, что он увидел и услышал, поразило его до глубины души.

* * *

В глубине комнаты, наискосок от окна, стоял стол с горящим светильником. Какой-то человек в белом хитоне возился у стены позади стола, пытаясь что-то на нее повесить. Когда он справился с этой задачей и отошел, Феофан вздрогнул: на стене висел деревянный крест с изображением распятого на нем человека. Феофан знал понаслышке, что есть на свете никогда не виданные им христиане – это такие атеисты, которые не чтут ни небесных, ни подземных богов, а поклоняются какому-то распятому софисту.

Во всяком случае, так было сказано в отрывке из Лукиана Самосатского, который ему как-то задали переписывать

в школе. Еще в школе говорили, что они пьют кровь иудейских младенцев, предаются свальному греху (что это такое, юный Феофан толком и не понял) и поклоняются ослиной голове. Или это иудеи поклоняются ослиной голове? Хотя префект однажды говорил, что христиане и иудеи – почти одно и то же... Так или иначе, ни на что из перечисленного то, что видел (и слышал) Феофан, не было похоже.

А увидел (и услышал) он вот что.

Одетый в белый хитон человек взял со стола какую-то ленту (в темноте Феофан не разглядел, но ему показалось, что она расшита золотом) и положил себе на плечи так, что оба длинных конца ее свешивались на грудь.

Он внимательно посмотрел на собравшихся (Феофан не знал, сколько их) и сказал:

– Шалом, мир вам.

– И тебе мир, Гай! – ответили сразу десяток мужских голосов, и Феофан перетрусил не на шутку.

– Помолимся, – сказал человек в белом (кто он такой и почему руководит собранием, Феофан, понятное дело, не знал).

Послышался скрежет отодвигаемых тяжелых скамей, а потом – тишина. Наконец, снова заговорил главный, как назвал его про себя Феофан.

– Отец Небесный, мы собрались здесь, чтобы воздать тебе хвалу за Твое милосердие, которое Ты открыл нам через Иисуса Христа, Твоего Сына. Мы благодарим Тебя за это время, которое Ты дал нам и просим Тебя – просвети нас светом Твоим.

При этих словах главный, тот, кого называли Гаем, смотрел на подвешенный на стене крест. «Наверное, это их идол, вроде статуи Артемиды Эфесской... – подумал Феофан. – Но как казненный может оказаться идолом?» – этого он никак не мог понять.

Между тем находившиеся в комнате люди тихо запели; слова были странные, чем-то похожие и одновременно совсем непохожие на те гимны, которые Феофан привык слышать в александрийском храме Осириса, куда ходил по долгу службы.

– Радостный Свет славы святого, блаженного, бессмертного Отца Небесного, Иисус Христос! Дожив до заката солнца, увидев свет вечерний, воспеваем Отца, Сына и Святого Духа Бога. Ты, Сын Божий, достоин, чтобы во все времена воспевали тебя голоса святых. Ты даруешь жизнь, и потому мир славит Тебя.

– Принесем наши молитвы Иисусу, Господу нашему! – это снова зазвучал голос Гая, «главного».

И снова Феофан удивился:

«Как они смеют именовать какого-то Иисуса Господом? Кириос Иисус, еще чего!»

Ему захотелось крикнуть в окно: «Хайре Кириос Деций» – «да здравствует Господь Деций», как кричали на стенах солдаты, маршируя у стен префектуры.

Теперь Феофан не сомневался, что выследил самых настоящих изменников. Хотя, конечно, одно было непонятно: если Иисус и есть тот самый распятый софист, то как он может стать господом и какой смысл устраивать заговор в его пользу, если он давно умер?

А потом они начали молиться: сначала Гай молился о мире и всех людях («Что им за дело до всех людей», – подумал при этом Феофан), потом о собрании, причем не о своем собрании, а почему-то о «собрании, которое по всему лицу земли», потом о своем городе и о чем-то еще. Каждый раз, когда Гай говорил «помолимся и о том-то», эти изменники напевали «Кирие элейсон», как будто видели императорскую процессию.

Наконец, когда Гай закончил (Феофану уже поднадоело его слушать), за дело взялись другие, просившие распятого софиста то о себе, то о своих друзьях и соседях.

Наконец, они уgomонились, и Гай сказал:

– Обратим к Отцу небесному молитву, которой научил нас Иисус Господь.

Слова молитвы понравились Феофану; он подумал: «Если бы у меня был отец в небе, я бы тоже ему так говорил».

Потом все задвигались сами и стали двигать лавки, и Феофан понял, что они усаживаются. Гай сказал:

– Сейчас я хочу, чтобы мы все выслушали брата Иакова: насколько я мог понять, у него важные новости.

– Новости важные, хотя невеселые. Из Александрии сюда прислали писца, он, наверное, и сейчас здесь...

«Ты даже не подозреваешь, насколько ты прав», – ухмыльнулся при этом Феофан.

– Он заготавливает либелли, если кто помнит, что это такое. Это значит, что цезарь (да помилует его Господь)...

«Да кто еще кого помилует!», – подумал Феофан с возмущением.

...издал против нас указ. Все жители Фаюма должны будут на днях принести жертву богам, возможно, перед статуей императора. Я полагаю, Витрувий отправился в Оксинх именно за ней; отвезти туда половину либелли мог и сам писец...

«А ведь верно, мог бы, – и тащился бы туда среди ночи как миленький», – подумал Феофан.

– Я думаю потом, через несколько дней, придут солдаты и всем, кто не сможет предъявить либелли, придется несладко. Вот, собственно, и все новости, если Эрисфен не принесет чего-нибудь еще.

«Какой еще Эрисфен?», – удивился Феофан.

– Надо решать, что нам делать. У меня есть идея...

Но договорить Иакову не дали, потому что все затараторили разом:

– Что делать? Умереть за имя Иисуса! – пророкотал чей-то бас.

«Больше нечем заняться?» – почему-то подумалось Феофану.

– Уйдем в пустыню и переждем там месяц, – это уже кто-то дискантом.

«А воду ты на себе потащишь? В пустыню на месяц?» – мысленно спросил его Феофан.

– До оазиса Аншу два дня пути, а до Амессы чуть больше суток, и там хорошая вода, – сказал Гай, словно отвечая на сомнения Феофана.

– Если мы уйдем, мы не сможем вернуться: наш уход непременно заметят. Если не пошлют погоню, то уж обратно

просто так не пустят. Да и разграбят все, – это был опять голос Иакова.

«Невысокого же ты мнения о своих согражданах! Впрочем, может быть и не зря», – Феофан не удержался от улыбки.

– Почему сразу разграбят? Наши соседи – приличные люди! – сказал кто-то еще, чей голос Феофан не отличил.

– Да по эдикту и разграбят! По эдикту! В прошлый раз так было; если соседи не захотят, солдаты своего не упустят, – мрачно объяснил Иаков.

– Мы умрем и соединимся с Господом! Александр прав! – это был голос кого-то совсем молодого, почти подростка.

«Ага, значит, этого басовитого зовут Александром!», – отметил про себя Феофан.

– Вот что, братья и сестры! – это Гай потребовал слова. – Мы не можем уклоняться от казни за имя Иисуса...

– Мы умрем! – хором сказали бас Александра и голос юноши.

– Не спешите. Спешить с этим нам тоже нельзя. Если спросят – мы дадим отчет о своей вере, как сказано в письме Симона Петра...

«Это еще что за письмо? Откуда? Мировой заговор? И имя какое-то иудейское...», – подумал Феофан: Симоном звали иудея, жившего по соседству с его отцом.

... но если не спросят? Помните, Иаков рассказывал вам, что наше собрание в Александрии...

«Ну, точно, заговор! Интересно, сколько за них дадут?» – Феофан чуть не сказал этого вслух.

... не одобрило тех, кто в последнее гонение сам приходил заявить префекту, что он христианин...

«А это мудро», – не мог не отметить Феофан.

... поэтому, если кто может избежать смерти, не предавая имени Христова, следует воспользоваться этой возможностью. Так что, я думаю, нужно попытаться уйти. Что, Иаков?

– Важно суметь не только разойтись, но и вернуться, или хотя бы найти, где жить и служить Иисусу дальше. Помолимся об этом.

«Опять за свое!», – подумал Феофан, раздосадованный перерывом в заинтересовавшем его споре.

Молились они как-то странно: Иаков и Гай просили, чтобы Господь вразумил их, если то, что говорил Александр было от Бога, а Александр и еще несколько просили, чтобы Бог благословил их подготовку к побегу и сохранил в их сердцах верность Иисусу.

«Тряпки», – подумал было Феофан, но ни к Гаю, ни к Иакову (он вспомнил эпизод с чернильницей), ни к басу Александра это слово никак не подходило.

– И вот что... – снова заговорил Иаков. – У меня есть двадцать либелли, хватит на всех. Заполним их, и тогда мы сможем бежать не только в Амесский оазис, но и потом – куда угодно. Сюда только не сможем вернуться, ведь Витрувий будет знать, что мы никаких жертв не приносили.

– Откуда у тебя либелли? – изумленно спросил Гай.

– Купил утром у шалопая, который представился Феофаном из Кесарии, писцом Александрийской префектуры...

– Сам ты шалопай!, – пробормотал Феофан.
...младшим писцом, надо полагать. Это тот, кого присла-
ли их заготовить. Эти двадцать... оказались лишними.

– Дорого заплатил?

– Ну, ты ловкач!

– А Витрувий?

– Заплатил недешево, но не денег же жалеть! Витрувий
получил свою тысячу, а если писец написал тысячу двад-
цать, кому какое дело? А насчет ловкости... идея не моя, так
делали в Карфагене еще при Максимине.

– Это... это обман, – помявшись, выдавил из себя юноша,
согласавшийся с Александром. Сам Александр почему-то
промолчал.

«Это точно, – подумал Феофан. – Но хуже всего то, что
доносить на вас мне не с руки; меня же и казнят».

– Нельзя обманывать людей. А государство – не чело-
век, его, думаю, можно. Если мы погибнем, что будет поль-
зы? – Иаков подтвердил подозрения Феофана в том, что он
изменник.

– Кровь мучеников – семя собрания! – выпалил юноша,
как будто принес клятву.

– А жизнь – дар Божий, и ее надо беречь. Подумай о
своих детях, если они у тебя будут...

– У нас еще есть время помолиться, прежде чем ре-
шать, – это снова был голос Гая. – Иаков, а ты...

– А ты кто такой? – внушительный, как гонг, голос
Александра послышался почему-то прямо за спиной Фео-
фана. Он даже подпрыгнул от испуга; заученные слова про

писца Александрийской префектуры вылетели у него из головы.

– А ну, пошли, разберемся!

Александр оказался таким мощным человеком, что мысль о побеге или, тем более, сопротивлении, даже не мелькнула в голове тощего Феофана. Обмирая от страха (и стыда, к слову сказать), он поплелся за ним в дом.

* * *

Александр, аккуратно придерживая Феофана за локоть, ввел его в дом. Пройдя темным коридором, они вошли в ту самую комнату, за которой Феофан так долго наблюдал. Она оказалась заполненной людьми, их было около двух десятков, причем большинство – мужчины.

– Ну, здравствуй, Феофан из Кесарии, писец Александрийской префектуры, – приветствовал его Иаков. – Почему и зачем ты следил за нами?

– Ну хоть кто-то в этой дыре запомнил мое имя! – ответил Феофан. Потом добавил:

– Я не собирался выслеживать вас. Просто я видел, что в харчевне тебе дали пшеничного хлеба, а мне сказали, что его нет. И, потом, мне было интересно, зачем тебе либелли. Вот я и пошел за вами – делать-то здесь совсем нечего. Я, собственно, ничего не видел, не слышал и никому не скажу.

– Чего же именно ты не видел, не слышал и не скажешь?

– Я не видел, что вы устроили ночью незаконное собрание, не слышал, что вы собираетесь подделать либеллы, и не скажу, что вы христиане...

Феофан замолчал, поняв, что попался: лучше было сделать вид, что он только что подошел, – но сказанных слов не вернешь. Его взгляд упал на стол, около которого сидел Гай; на столе Феофан заметил немаленький (локтей двадцать длины, неделя работы, привычным взглядом определил он) свиток в кожаном чехле.

...зато я скажу вам, что префект послал в Антиохию письмо с требованием прислать ему образцы ваших книг. Я сам писал его, правда, не понял, зачем ему это понадобилось. Может, вы знаете?

– Еще как знаем, – сказал Гай. – Книги, значит, будут тоже уничтожать. Это все из-за карфагенян...

Кто-то переспросил:

– Причем здесь карфагеняне?

Ответил Иаков:

– В Карфагене, когда отбирали книги, епископ выдал им какую-то муру. Ну, там, песенный сборник терапевтов, жизнеописание некоего Аполлония и даже, говорят, поваренную книгу. Они были писаны по-гречески, и пока разобрались что к чему, братья успели все спрятать. Был скандал и в курии, и в собрании. Похоже, кто-то не забыл этой истории, и теперь префект будет сличать отобранные книги с образцами. Книги, конечно, нужно взять с собой.

– Вы меня убьете? – спросил вдруг Феофан.

– С чего ты взял? Подслушивать было и глупо, и некрасиво, но предать нас ты не сможешь, – сказал Иаков.

– Почему ты так думаешь? – почтительно, как показалося Феофану, обратился к Иакову Александр.

– Ты запомнил, мой дорогой медник, кто именно продал мне те самые либеллы. Вот он, собственной персоной. Так что кому здесь следует бояться доноса, еще большой вопрос. Стоит тебе, к примеру, шепнуть Витрувию...

При этих словах Феофан побледнел.

– Убийство – тяжкий грех перед Богом, никто из нас не сделает этого. И доносить нам тоже не пристало. Подумайте, кто из вас захочет это сделать? Никто? Значит, тебе придется уйти с нами, – сказал Гай.

– Ты хорошо подумал? – спросил кто-то из-за плеча Феофана.

– Так он точно не сможет донести, и никто не спросит его, сколько он на самом деле написал. Устроится писцом где-нибудь на германской границе...

– Чего я там забыл? А моя карьера в префектуре? К осени мне обещали...

– А об этом, Феофан, уже можно забыть. Здесь все жители наперечет, так что нам не спастись без твоих либелл. И где-нибудь нам придется их предъявить. Почти наверняка, хотя лучше было бы обойтись без этого. Ты выбрал свой путь, когда вышел за мной из «Красного ибиса».

– Лучше бы я просидел там всю ночь!

– Это точно, – ответил Иаков, – но теперь поздно гонять. Нет, здесь тебе оставаться нельзя. Уйдешь с нами,

переждешь, а потом – возвращайся в свою префектуру. Может, дорастешь до эдила. Ну, не убивать же его, в самом деле, – это он сказал, разумеется, уже не Феофану.

– Даже не говори таких вещей! – воскликнул юноша, стоящий рядом с Александром.

– Одним словом, Гай прав: нужно забрать его с собой.

– А меня вы забыли спросить?

– А ты спросил меня, когда увязался за мной? – ухмыльнулся Иаков.

– Знаешь, а ведь забыли. Ты пойдешь с нами? – спросил его Гай.

Чего-чего, а такого вопроса Феофан не ожидал.

– Решай, – сказал Александр и отошел в сторону.

– Я должен решать? – изумился Феофан; он уже пожалел, что заговорил об этом. – Тогда отпустите меня. Я не донесу.

– Ты отпустил бы себя на нашем месте? На тебя можно положиться?

И тут Феофан понял, что на их месте он бы немедленно убил соглядатая. И еще он понял, что положиться на то, что они не донесут, можно, а на него – нельзя. От этой мысли почему-то стало легче... Краем глаза он увидел, что Александр отошел, освобождая ему путь к двери. Два коротких шага, и он мог бы... Что задумали эти странные люди? А вдруг они схватят его? Феофан повернулся, и сделал первый шаг к двери. Все смотрели на него, но не двигались.

– Нет, я не положился бы на себя. И я не хочу, чтобы вас убили. Я уйду с вами. А там будет видно...

– Жив Господь, Бог наш, – ни с того, ни с сего, как показалось Феофану, заключил Гай.

– Говорят, на германской границе живут красивые девушки, – Иаков, конечно, не мог не съехидничать.

– Посмотрим, – задумчиво сказал Феофан. Он чувствовал, что произошло что-то важное, хотя и не понимал, что именно. Страхи прошли, даже комната показалась светлее, и ему стало... пожалуй, правильно будет сказать, что ему стало интересно узнать, что будет дальше.

– Помолимся, братья, – сказал Иаков.

Все повернулись к стене, на которой висел крест. После короткой паузы Иаков сказал:

– Отец, мы вверяем себя Твоему милосердию. Прости нам наши грехи, восполни наши немощи и укрепи нашу веру. Избавь наши души от зла и помоги нам, но на все да будет воля Твоя. Ради Иисуса, нашего Господа.

Гай повернулся к собравшимся:

– Идите с миром. Здесь пусть останется Иаков...

– Само собой!

– ... и Александр. На рассвете уходим в Амессу. Встретимся у второго камня.

– Гай, у меня есть двуколка, я могу взять двух-трех человек...

– Возьми жену Пандекта и его детей. И воды возьми, мало ли что...

– Сколько еды брать?

– Я вчера купил мешок ячменя, могу взять весь...

– Лучше рассыпь на несколько человек, легче будет нести...

Феофан сел на первую попавшуюся лавку; только сейчас он понял, как устал.

– Вы запрете меня?

– Зачем? Как сказал Иаков, ты выбрал свой путь в харчевне «Красный ибис», – ответил ему Александр.

– Это он во всем виноват! Если бы он не пролил краску...

– То дня через три нас бы всех схватили. Хватит, до рассвета всего ничего. Пора собираться – хорошо бы еще успеть вздремнуть, – заключил Гай.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На рассвете в дом Гая прибежал Поллион, юноша, оказавшийся племянником Александра (тот, который накануне поддержал его предложение пойти и умереть). Тяжело дыша от быстрого бега, он выпалил: – Витрувий вернулся домой среди ночи... С ним двадцать солдат... Он искал Феофана....

– И зачем я ему понадобился?

– Этого я не знаю, знаю только, что ему сказали, будто ты пошел на собрание христиан! Тебя видел кто-то из посетителей харчевни. Собственно, там Витрувий об этом и узнал, потому что первым делом пошел искать тебя именно туда. Он думал, что ты там заночевал. Астрейя, рабыня Эрисфена, сказала, что ты ушел за Иаковом. Витрувий решил, что ты тоже пошел сюда. Он, оказывается, знал, что Иаков – христианин.

– Странно, что весь город еще не потянулся сюда длинной вереницей, – грустно пошутил Иаков. – Нужно быстро уходить.

– Давно пора! Сколько можно тут торчать!

– Вот хорошо, что ты настоял на том, чтобы собрать все заранее, Гай!

– Да уж, сейчас было бы некогда этим заниматься.

Иаков и Александр похватали заготовленные ночью мешки. Феофан сгорал от любопытства, не зная, что в них – на еду похоже не было. Ему и Поллиону сунули мехи с водой, а Гай ушел в дальнюю комнату. Он почти сразу вышел оттуда; на груди у него висела небольшая шкатулка из слоновой кости. Иаков, Александр и Поллион поклонились – то ли Гаю, то ли шкатулке. Гай взял со стола аккуратный сверток в чехле, обвязанном длинной веревкой, повесил его себе за спину и сказал:

– Да благословит нас Господь. Идемте.

Поллиона Гай отправил предупредить братьев, чтобы расходились разными путями.

Остальные, не выходя на дорогу, торопливо зашагали по направлению к охристым скалам. Гребень уже сверкал на солнце, но внизу еще было сумрачно. Не сворачивая, они углубились в небольшую финиковую рощу и почти сразу вышли к тропинке, начинавшейся у подножия скал. Поднявшись по ней, беглецы обернулись и увидели группу людей, шедшую по улице к только что покинутому ими дому.

– Как мы вовремя ушли оттуда, – сказал Гай. – Не будем же задерживаться!

До второго камня, где была назначена встреча, оказалось куда больше, чем положенные две мили, так что Феофан засомневался, правильно ли они идут.

– Идем-то мы правильно, но в обход. Амесса на юго-западе, а мы вышли почти прямо на север. Теперь нужно обойти Фаюм стороной, – объяснил Александр.

– А короче было нельзя? – спросил его Феофан.

– Во-первых, короче только через площадь, – ту, где муниципий, казарма и дом Витрувия. Во-вторых, на выходе из города могла быть застава. А в-третьих, солдаты уже подходили к дому, ты же видел! Самое главное, что по дороге пойдут другие братья. Если бы мы сунулись туда, кто-нибудь непременно поинтересовался бы, куда это мы собрались и зачем.

– А когда мы с ними соединимся? И еще: а в Амессе разве не будет присяги цезарю?

– Там уже лет пятнадцать никто не живет, с тех пор как все разгромили ливийцы.

– Какие еще ливийцы?

– Обыкновенные ливийцы, кочевые. Они пришли из пустыни, как в старину, при фараонах, разграбили и сожгли Амессу, а Фаюм тогда отстоял Меллий Сабин – тот, что сейчас префект твоей Александрийской префектуры.

– Я думал, он толстый и ленивый.

– Тогда он еще не был толстым, да и не успел облениться. Он пришел с целой когортой – эх, и задали мы жару ливийцам!

– Ты служил в этой когорте?!

– Да. А потом... Я просил Сабина отпустить меня в отставку – тот ни в какую.

– И как же ты?..

– Я дал Меллию Сабину двести сестерциев, и он вычеркнул Александра из списков, – сказал Иаков.

– И он согласился?!

– Кто, Меллий или Александр?

– Меллий, конечно!

– Да Меллий-то согласился сразу, труднее было уговорить Александра... Он ведь тогда вышел в отставку без наград, без почестей и без довольствия.

– И слава Богу! Теперь я честно зарабатываю себе на жизнь, а так... сидел бы на какой-нибудь паршивой должности, вроде витрувиевой, следил бы за всеми, собирал налоги и презирал самого себя.

– Все-таки вы изменники! Христиан – ко львам! – нехстати вспомнил Феофан.

– Львы, здесь, кстати, еще попадают. Христиане, как видишь, тоже... так что именно мы – и именно ко львам. Но вообще-то выбирал бы ты выражения... Мужчина не должен повторять глупостей толпы, – мягко укорил его Гай.

– Прости, я не подумал... Александр, а все-таки, почему ты ушел из армии?

– Ты видел когда-нибудь воинский смотр?

– А то! Я служу писцом больше года, а префект проводит их каждый месяц.

– И как это выглядит?

– Ну, приветствуют статую императора, приносят жертву Юпитеру и проходят маршем... сам не знаешь, что ли?

– Я не мог больше приносить жертв. Никому. Ни Юпитеру, ни цезарю. Нет бога, кроме Бога. Иисус... Знаешь, для

Иисуса мы – люди, которых любит Бог. А для цезаря... Да задумываются ли цезари, даже лучшие из них, о ком-то, кроме себя? Так или иначе, Бог – один. Я имею в виду настоящего Бога.

– А Юпитер? А Марс? А Великая Мать Богов? А Осирис? Кто же тогда воскресает каждую весну, когда зеленеют поля? Разве не Осирис?

– Я не знаю никакого Осириса. Я знаю, что нет бога, кроме Бога, и посланного Им Иисуса Христа.

– Но если Бог один... у меня, что же, нет выбора, кому молиться?

– А зачем тебе этот выбор?

– Ну как, если бог будет бояться, что я стану молиться другому, и другому понесу свои жертвы, он будет сговорчивей.

– Получается, – вступил в разговор Гай, – что или ты один, а богов много, или людей много, а Бог один. Нас много, Феофан! Делай выводы.

– Попросту говоря, Феофан, если ты не продашь мне либелли, я отдам свои деньги другому писцу... – сказал Иаков, внимательно глядя на Феофана.

– Где ты раньше был!? Если бы ты пошел к другому, я сидел бы сейчас в «Красном ибисе»! Хотя, в общем, ты прав.

– Зачем тебе боги, продажные, как...

– Как писец Александрийской префектуры, – рассмеялся Феофан.

– Вот именно.

– А может, все боги – одно?

- Тебе бывает стыдно, Феофан?
- Честно говоря, не часто.
- Когда последний раз?
- Вчера, когда я подслушивал под твоим окном, Гай.
- Настоящий Бог – это Тот, перед Кем бывает стыдно, и Кто может простить. А кого тебе стыдиться? Юпитера, который обернулся быком и слямзил Европу у законного владельца, да еще при живой жене?
- Иаков, где ты набрался таких слов!
- Нет, в самом деле! Если твои жуликоватые боги и впрямь на одно лицо, причем на твое же собственное, что в них проку?
- А на чье лицо твой Бог? Ты Его видел? Может, Он тоже тот еще фрукт... вроде тебя.
- Я Его видел – неожиданно вмешался Александр. – Он умер за нас на кресте.
- Хорошенькое дело, умер на кресте! Что мне пользы от такого слабака!
- Во-первых, Он существует не для твоей пользы, а потому что просто существует – и все тут. А во-вторых, Он именно с теми, кто умирает. Иисус не отворачивается от тех, кому плохо. Я сказал тебе, что видел Его. Это было в Сирии. Мы выгнали парфян из одной деревни и начали ее грабить. Жители сопротивлялись...
- Неудивительно.
- Да. И тот же Меллий Сабин приказал их всех перебить.
- Естественно...

– Не думаю. Скорее, напротив. Мы ворвались в один двор. Там сидел какой-то старик. Я замахнулся мечом – и перехватил его взгляд. Я не смог его убить. Он видел вечность, а я – ее отражение в его глазах. Он... он отдавал мне свою жизнь, и все же он оставался ее владельцем. Он был беден, этот старик, но он был жив. Даже если бы я рубанул мечом по его дряхлой шее, это он отдал бы мне свою жизнь, а не я отобрал бы ее... Не знаю, как это выразить. Наверное, Иисус смотрел на меня в его глазах. Старик сказал только одну фразу: «Во имя Иисуса из Назарета, будь человеком». И я ушел. Кто из нас все-таки убил того старика, я не знаю. Правда, не знаю. Я думал лишь о том, что значит быть человеком. Мне хотелось спрятаться и плакать. А потом я все хотел узнать, кто такой Иисус из Назарета.

– И как ты это узнал?

– Я думал... глупости всякие... короче, нас перебрали в Египет, и мы проходили через этот Назарет. Там я и спросил. Мне сказали, что Он учил людей любить друг друга. И что Его давным-давно распяли. А потом, когда мы уже уходили, меня догнал какой-то человек, и сказал: «Имей в виду, тот, кого распяли, – воскрес. Его ученики называются христиане. Ты найдешь их в Египте». А в Александрии я встретил на улице человека, как две капли воды похожего на того старика. Это был его сын – вот он, это Иаков.

– И ты простил его, Иаков?

– За что? Не он убил моего отца, – сухо проговорил Иаков. – Да и кто я, чтобы прощать или не прощать? Иисус

говорил: «Прощайте, и будете прощены». А вон там, где одинокая маслина, уже и второй камень. Только почему никого нет?

* * *

Иаков ошибался: кое-кто у второго камня все же был. В дрожащей сетчатой тени под ветками старой маслины, среди белесых камней, притаился фенек, маленькая светло-песчаная пустынная лисица с преогромными ушами. Никогда в жизни фенек не видел такого количества людей за одно утро, а поскольку отличать их друг от друга он не умел (не поставим этого в упрек бедному животному), так вот, поскольку фенек не различал людей по лицам, ему казалось, что несколько часов подряд люди, переодеваясь, кругами гоняются друг за другом вокруг его маслины.

Началось все на рассвете, когда мимо второго камня быстро прошли, почти пробежали, несколько человек. Когда они выскочили из-за поворота, фенек едва успел спрятаться. Пыль, поднятая людьми и шедшим сзади ослом, заставила фенека громко чихнуть. Едкий ослиный запах забил ноздри... Пока лис отфыркивался, отлеживался и набирался храбрости, чтобы удрать подальше, раздался грохот колес и выехала запряженная ослом повозка. В ней сидели люди и пахло от них несколько лучше, чем от предыдущих. Осел был явно другой – зверей-то фенек различал хорошо. А люди... Те, что сидели на повозке, были помельче (дете-

ныши, догадался лис), а шедшие рядом – покрупнее. Фенек надеялся, что эти пройдут так же быстро, как первые, но не тут-то было.

Повозка остановилась под самой маслиной и детеныши соскочили с нее и принялись гоняться друг за другом. Пути к отступлению были отрезаны: вокруг маслины на десятки шагов тянулось открытое пространство, покрытое редкой и пыльной травой. Даже если бы лис решился на отчаянный бросок к спасительным скалам, кто-нибудь непременно заметил бы его, не взрослые, так вечно некстати бегающие дети. Фенек вжался в щель между камнями и приготовился к худшему. Но большие люди повернулись лицом на восток и встали на колени, а когда они медленно и мелодично завывали (лис же не знал, что это они поют!), к ним присоединились и те, что помельче.

«Сейчас или никогда», – подумал бы фенек, если бы мог; вероятно, он что-то в этом роде и подумал на своем лисьем языке, и медленно, в такт вою людей, потянулся прочь из-под маслины. Сначала показались громадные, больше головы, уши. Потом за край камня зацепилась правая лапа. Выснулась и мгновенно спряталась голова...

– Ой, там лисичка!

Если бы лис умел ругаться, он обозвал бы не в меру глазастую девчонку пучеглазой газелью и, того хуже, навозным жуком; но ругаться он не умел, и поэтому пришлось юркнуть обратно под камни молча. Лапы и уши дрожали, хвост бессильно повис.

– Не пугай Божье создание, Юми!

Ребенок уселся рядом с взрослыми, время от времени поглядывая в сторону камней под маслиной.

Однажды фенека точно так же загнала под камни старая облезлая львица. Она разлеглась поодаль и бросала на него недвусмысленные голодные взгляды; ничего хорошего эта тактика не предвещала – тогда пришлось сутки ждать, пока львица уйдет (соскучившись, как показалось юному лису). Теперь тоже оставалось только ждать.

Звуки, которые издавали люди, убаюкивали, как мелодия ветра. Бабуины, на которых эти люди похожи так, что без одежды недолго и перепутать, выли куда противнее. Бабуины вообще мерзкие, они похищают щенят прямо из нор... но об этом сейчас лучше не думать... А этот звук... Как будто они зовут и жалеют кого-то. И этот кто-то здесь, совсем рядом. Лис чувствовал присутствие чего-то важного, о чем пели люди и что наполняло лисью душу щенячьим восторгом и покоем. Казалось, упадет сотканная из воздуха завеса, и станет видно то настоящее, увидеть которое лис ждал всю свою жизнь, с самого рождения.

– Тс-с! – зашипели разом лис и девочка.

Пение смолкло. Камни всегда предупреждают о том, что по ним идут, надо только прижаться к ним поплотнее. Удары тяжелых шагов приближались со стороны Фаума. Один из людей побежал вперед и осторожно, как сделал бы и фенек на его месте, заглянул за поворот дороги. Потом он стремглав метнулся обратно и шепотом завопил:

– Солдаты!

Перепуганные люди побросали детей в повозку, подхватили осла под уздцы и побежали по дороге. Как только они скрылись (лис приободрился), с противоположной стороны и впрямь показались шестеро солдат (фенек умел считать до семи: лапы, хвост и уши; все, что больше семи, было для него уже стадо, вроде живущих около людей пахучих коров).

Эти вообще не смотрели по сторонам, они расселись вокруг маслины и принялись есть. Пахло довольно вкусно, но делиться с фенеком никто не собирался. Жаль, потому что он и пришел-то в это якобы пустынное место ради того, чтобы выследить кусачую и жестковатую, но довольно упитанную песчаную крысу, о которой он слышал от живущей по соседству пары соколов. Крысы на месте не оказалось; фенеку бы сразу уйти, но он попытался найти ее следы и вот – сам попался, как крыса, этим перекормленным бесшерстным бабуином.

Солдаты сидели довольно долго, – кстати, за это время успела явиться и крыса. Она и фенек с минуту смотрели то на дремлющих солдат, то друг на друга, после чего крыса нахально вильнула хвостом и скрылась в какой-то дыре. Дыру фенек на всякий случай приметил...

Наконец солдаты проснулись (эх, знать бы, что они так глубоко спят, можно было бы сбежать!), и, порыкивая (так показалось фенеку, да так оно, в сущности, и было), отправились восвояси.

«Может, они тоже выслеживали крысу?» – удивился фенек. Во всяком случае, следовало уносить отсюда лапы.

На принятие такого решения (крыса была уж очень упитанной) у фенека ушло немало драгоценных минут (следует учесть, конечно, и некоторый недостаток храбрости...). Когда он уже совсем собрался, заявили Феофан и его спутники.

«Если вы потеряли друг друга в нашей пустыне, встречайтесь у второго камня на амесской дороге! Да заколдованное это место, что ли?!» – возмутился лис, и в отчаянии прыснул к спасительным скалам. За ним никто не погнался: у пришедших, видимо, были дела поважнее поимки отважного зверька.

* * *

Глядя на улепетывающего фенека, Феофан сказал:

– Такое впечатление, что здесь давным-давно никого не было. Даже звери непуганые.

– Были, конечно, и совсем недавно, – возразил Иаков.

– Следы еще совсем свежие. Сегодня здесь проходили два осла и повозка, взрослые, дети и солдаты. Солдаты ушли обратно в Фаум, видишь?

Феофан, почти всю жизнь проживший в городах, с интересом вглядывался в пыль. На самом деле он ничего не заметил, но надеялся, что Иаков и в самом деле видит то, о чем говорит.

– Будем ждать или пойдем дальше? – спросил Гая Александр.

– Поскольку солдаты ушли, спешить некуда, – ответил Гай. – Иаков, сколько человек прошли в сторону Амессы?

– Ну, я же не германский следопыт! Десяток, не меньше... Впрочем, не знаю.

– Раз ты говоришь, что повозка здесь уже прошла, скорее всего, наши братья двинулись дальше. Почему не подождали? Солдаты их спугнули, что ли?

– Давайте передохнем, а потом решим, что делать дальше, – предложил Феофан.

– Хорошо, только отойдем в сторону от дороги. Мало ли что, вдруг – погоня...

Так они и сделали: расселись в тени большого камня шагах в сорока. Эти спокойные люди, бежавшие, между тем, от смертельной опасности, заинтересовали Феофана. Он обратился к Александру:

– Слушай, вот ты вчера предложил умереть за имя твоего Иисуса...

– Да, предложил. Хотя, скорее, следовало бы говорить, что не Иисус – мой, а я – Его. Он – Господь...

– Знаешь, я взяточник, но не изменник. И я не могу вынести, когда ты называешь господом кого-то, кроме законного Цезаря!

– Не пристало беглецам, спасающимся от Цезаря, спорить о таких вещах. От того, кто на самом деле Dominus et Deus, как хочет зваться Цезарь, бессмысленно спастись бегством, как этот лис – от нас. Так что твой господь Деций... Он, конечно, Цезарь, но не более того – вмешался Иаков.

– Ладно, об этом мы еще поговорим. Может быть. Но зачем умирать за чье-то имя? Что тебе от этого? Ты надеешься воплотиться вновь или хочешь раствориться в мировом едином?

– Я хочу быть верным Иисусу. До конца. Я солдат, и мой Господь – мой Dominus et Deus, если тебе так нравится армейский жаргон, – привел меня в этот мир и сказал: «Александр, ты должен засвидетельствовать, что Я – путь, истина и жизнь». Приказ есть приказ.

– Что есть истина? И что это за путь? Я видел в Александрии софиста... он говорил что-то о пути отрицания себя, дескать, он учил умерщвлять желания и выходить за пределы своего я...

– Под пыткой говорил?

– Ну да, вообще-то...

– Все, что ты знаешь о жизни, узнано у кого-то под пыткой?

– Нет, есть еще письма префекта! Иногда очень любопытные. А портовые ведомости скучные. Так как насчет умерщвления желания? Тот софист говорил, что мир и плоть несут в себе зло, и плоть – темница духа. Префект тогда почему-то расспрашивал его о рецепте какого-то напитка блаженства, но тот не знал. – Или не сказал. Он все плел что-то про эоны духовных сущностей, составляющих содержимое... чего содержимое?

– Плерома – не содержимое, а полнота, – неожиданно поправил его Гай.

– Ты откуда знаешь?

– Мне валентиниане без всякой пытки это, как ты выражаешься, плели. Очень точное слово. Недавно, я слышал, префект арестовал одного из них, Глоксена из Фив. Это был он?

– Он самый. Так в чем путь? Глоксен говорил, что надо перестать хотеть, перестать искать, сойти в глубины духа и, кажется, дышать через раз.

– Это путь не мужчины, а бездельника. Перестать есть, чтобы не пускать газы... Как все просто.

– Иаков, это грубо!

– Но ведь верно же! Путь в том, чтобы делать добро, прощать и отдавать, а не в этих глупостях. Иисус не занимался Собой, Он занимался другими. Это и есть Его путь. Ты слышал о чуме в Карфагене?

– Десять лет назад, при Гордиане? Слышал, что была чума, и все. А что?

– Жители умирали сотнями, если не тысячами. Дети оставались сиротами, взрослые сходили с ума от страха. Когда заболевали дети, их выгоняли умирать на улицу. Половина домов стояли пустыми, а половина – запертыми, чтобы никто с улицы не мог войти. Умиравшие валялись под окнами и просили дать им хоть глоток воды, но никто не открывал ставни. Проконсул Африки... проконсул только объявил приказ цезаря принести очистительные жертвы Аполлону, сел на корабль и уплыл в Италию. Обе стоявшие в городе когорты бежали в лагерь девятого легиона, но их туда не пустили, и они все поумирали в пустыне. Поначалу жители бросились искать и убивать христиан, но потом пе-

рестали. В городе стало нечем дышать, потому что мертвые разлагались прямо на улицах, и никто не хотел хоронить их. Только каждый день выбрасывали на улицу новых и новых больных. Жрецы перебили скот со всей округи, и дым от горящих жертв смешивался со смрадом разложения. Но никто из жрецов не вышел из храмов, и внутрь они тоже никого не пускали.

– Они хотели выжить!

– Да, хотели. А те, кто лежал на улицах, даже еще живые, были уже не их матери и не их дети, не их друзья и соседи, не люди, а куча гниющего мяса. Они уже не мечтали о будущем, не жалели о прошлом. Но они еще дышали! Они еще пытались лизать пересохшие глиняные трубы городской канализации. Умиравшие шли к гавани – все корабли давно ушли оттуда – и пили соленую морскую воду, от которой их рвало, и они корчились от боли. И они тонули в колодцах...

Иаков прикрыл глаза и потер лоб рукой, словно защищаясь от этой страшной картины.

– И что дальше? – спроси его Феофан.

– Когда из-за этого в городе не стало воды, Киприан, епископ христиан...

– Ага, значит, у христиан тоже есть зрители?

– Есть, как во всякой нормальной коллегии. Мы, правда, не переводим греческое слово, и называем их епископами. Так вот, епископ – или зритель, если тебе так понятнее, – Киприан собрал христиан в своем доме и стал вспоминать об Иисусе. Он рассказывал о том, как Иисус пожал руку прокаженному...

– Вот тебе раз! И не заразился?

– Нет, прокаженный выздоровел. Еще Киприан вспоминал о том, как Иисус пришел к Своим друзьям в Вифанию, когда у них умер брат, хотя Иисуса могли там арестовать. А больше всего он вспоминал слова Иисуса о том, что сделанное одному из людей сделано Ему. Потом Киприан спросил: «Что больше, ваш страх перед чумой или любовь к Иисусу?» Все молчали. Тогда Киприан сказал: «Кто из вас хочет напоить Иисуса глотком воды?» Многие сказали: «Я». Тогда Киприан сказал: «Кто из вас хочет утешить Иисуса, всеми покинутого и плачущего?» И еще больше людей сказали: «Я». – «Кто из вас хочет побыть рядом с Иисусом, когда Он умирает без вины?». – «Я», – сказали почти все. «Кто из вас хочет похоронить тело Иисуса?» – спросил, наконец, Киприан. «Я» – уже хором ответили христиане. «Вот Он лежит на улицах Карфагена», – сказал Киприан и вышел.

– И что?

– Две недели женщины-христианки ходили по улицам, поили, кормили и утешали больных. А христиане-мужчины чистили колодцы, носили по домам воду и хоронили умерших. Богатые люди... Ну, совсем богатых среди христиан нет, скажем так, состоятельные, собрали деньги и пригнали из Утики шесть кораблей с хлебом. Похоронной командой руководил сам Киприан. Некоторые заражались и умирали, а на их место из домов начали выходить другие люди, не христиане.

– Что, сами выходили?

– Конечно, сами. И чума ушла, как не было. И когда вернувшийся проконсул призвал Киприана и повелел ему отправляться в ссылку...

– Он что, с ума сошел?

– Нет, всегда был такой. Так вот, когда Киприана вели к воротам, весь город вышел и молча стоял вдоль Ганнибаловой улицы. Это, собственно, и есть путь Иисуса.

– Он ведет в ад, в никуда!

– Да, и Воскресший Иисус ждет там тех, кто отважится пойти по нему.

– Ну, знаешь, зоны духовных сущностей и умерщвление плоти и то лучше! Я по такому пути и шагу бы не осилил!

– Никто бы не осилил, Феофан, – задумчиво заметил Александр. – К счастью, Иисус обещал быть с нами во все дни до скончания века. Его сила совершается в нашей немощи. Однако, мы засиделись. Наши братья или давно прошли, или пошли другой дорогой. Наверное, надо идти.

Когда они двинулись в сторону Амессы, Феофан, чуть поотстав, спросил Иакова:

– От кого ты узнал это про чуму в Карфагене?

– Я чистил колодцы. Ты же видишь, какой я маленький, мне было туда спускаться легче, чем другим.

Феофан шепотом спросил:

– Тебе было страшно?

– Очень, – так же шепотом ответил Иаков.

Амесса, к которой путники приблизились только к вечеру, когда-то была небольшим поселком, затерянным среди скал и песков. Два с небольшим десятка домиков из необожженного кирпича жались к крохотному озерцу, вокруг которого росла небольшая финиковая роща. По краям поселка еще и сейчас можно было заметить контуры некогда обработанных клочков земли, снабжавших жителей овощами и ячменем. Большая часть домов стояла без крыш; сорванные ветром, они кусками валялись поодаль. Некоторые дома и крыши обгорели и резко выделялись на фоне выбеленных солнцем, лишь слегка коричневатых стен и почвы. Поселок располагался в низине, по которой были разбросаны еще несколько десятков пальм. С гребня, откуда путникам открылся вид на поселок, он напоминал коралловый атолл – или, вернее, напомнил бы, знай они, что это такое. Там, где полоса пальм вдоль берега озерца была чуть шире, находился колодец. Открытое пространство вокруг него когда-то, наверное, было деревенской площадью, на которой стояли несколько домов побольше. Именно к этой площади и выходила дорога. Скелет коровы, лежавший около самой дороги, придавал поселку окончательно нежилой вид.

Тем не менее около колодца были люди; когда Феофан и его спутники показались на дороге, они повернулись к ним лицом.

– Все пришли? – спросил Гай, когда они приблизились к колодцу.

– Да, все! Хорошо, что ты послал Поллиона предупредить!

– Да, мы разошлись разными путями, никто и не обратил внимания. Но мы здесь не одни!

Из большого дома, на котором еще сохранилась крыша, вышли пять человек. Феофан заметил, что Гай и Иаков узнали их; они поспешили приветствовать друг друга. Среди незнакомцев – впрочем, для Феофана больше половины христиан, чьи лица он не разглядел накануне, были незнакомцами – среди тех пятерых, с которыми так радостно обнялись Иаков и Гай, выделялся пожилой человек, почти совсем седой. Окружающие, в том числе Гай и Иаков, явно относились к нему с особым почтением, хотя одет он, надо сказать, был в такую же рвань, что и остальные.

«Почтенный старец похож на отставного магистрата», – подумал Феофан.

В лице его ничего особенно значительного не было, хотя оно и показалось Феофану знакомым; быть может, он видел его где-то на улицах Александрии? Обменявшись парой быстрых фраз с Гаем, незнакомец обратился к Феофану:

– Значит, ты все же решился прийти сюда, Феофан?

– Решился, а ты откуда меня знаешь?

– Мне рассказали о тебе братья, пришедшие сюда раньше. Что ж, раз тебе угрожает опасность, побудь с нами. А меня зовут Дионисий.

– Ты тоже христианин?

– Стараюсь им быть. Судя по тому, что ты сказал «тоже»...
– Нет, нет и нет. Меня не увлекают пустые басни о третьих небесах, которых никто никогда не видел.

– Буду с тобой откровенен: они и меня не слишком увлекают. Приходится заниматься и этим, хотя Иисус говорил о другом...

– Да уж, я по дороге наслушался от Иакова про чуму в Карфагене. Это не для меня, я боюсь смерти не меньше всех нормальных людей. Если отдавать свою жизнь другим, что себе-то останется?

– Увидишь когда-нибудь, что себе останется как раз самое лучшее. Впрочем, об этом потом: думаю, вы устали и проголодались. Тимофей, помоги мне, пожалуйста.

Дионисий и еще один человек отправились в дом, и вскоре появились с ячменными лепешками и вяленой рыбой в руках. Пока они ходили, Феофан спросил Гая:

– Он что у вас, главный?

– Да, можно сказать и так.

– Он смотритель? А, да, Иаков говорил, что вы не переводите слово «епископ»... – он епископ?

– Спроси сам!

Феофан хотел было сказать: – а у тебя язык отвалится... – но почему-то не стал грубить Гаю.

Он повернулся к Дионисию и спросил, подражая голосу префекта Сабина (он здорово умел изображать его, все писцы префектуры умирали со смеху):

– Значит, это ты епископ сакрилегов?

Дионисий изумленно оглянулся, а потом захохотал:

– Ты перепугал меня, мальчишка! Я думал, сюда явился Меллий Сабин собственной персоной, а он последний, кого я ожидал здесь увидеть.

– Чем тебе не угодил префект?

– Да я, собственно, от него и бегу. В Александрию, сам знаешь, прислали императорский эдикт, предписывающий извести христиан, а Сабину пришла блажь исполнить его – в кои-то веки!

Феофан рассмеялся: как и вся Александрия, он знал о медлительности Сабина в исполнении повелений Цезаря. Если бы не легионы, стоящие в Сирии и Киренаике, префект и вовсе вел бы себя как настоящий царь.

– А ты, значит, предпочел не утруждать палача?

– Ну, примерно так. Зачем отвлекать от дела солидных людей?

– Вот из-за таких, как вы, и шатается великая римская держава.

– Все, что не от Бога, непременно разрушится и без нашей помощи. Вечны только Бог и твое сердце. Мое, надеюсь, тоже...

Тем временем пришедшие расселись на обломках вокруг колодца. Гай, как только в разговоре Феофана и Дионисия образовалась пауза, не замедлил спросить последнего:

– Значит, в Александрии гонение уже началось? Ведь вы сюда добирались дня три?

– Неделю, да еще с какими приключениями! – отозвался один из спутников Дионисия.

– Расскажите?

– Конечно. Дело было так...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

– Корабль из Италии, на котором прибыл в Александрию эдикт Деция, – начал свой рассказ Дионисий, – вошел в гавань, я полагаю, дней десять назад. Наверное, день-два ушли у Сабина на то, чтобы прочитать эдикт... обдумать его хорошенько... Написать распоряжения во все округа...

– Их писало четверо писцов, и мы занимались этим целый день, с утра до позднего вечера, – заметил Феофан.

– Ну вот, видите. Одним словом, только на третий день Сабин вспомнил о моем существовании и распорядился меня арестовать – а это была пятница перед Пятидесятницей. Даже если бы я знал о приказе префекта, скрыться в те дни я не мог: в субботу был назначен диспут в училище, потом – беседа с катехуменами, а в Пятидесятницу – литургия. Но я-то об эдикте знать не знал – откуда бы? Все равно я не понимаю, почему Сабин решил, что я сбежал? А может быть, это решил не Сабин, а тот фрументарий, которого он послал за мной?

– Случайно не Аврелий Помпоний?

– Ты что, его знаешь?

– Такой чернявый, на скифа похож? Знаю. Он однажды умудрился заподозрить в измене самого префекта...

– Как же ему это удалось? – изумился Дионисий.

– Видишь ли, прошлой осенью какие-то люди стали по вечерам ходить из дворца, как писал в своем доносе Помпоний, в сторону портового квартала...

– Не говори при детях, что это такое...

– После твоего напоминания даже дети об этом догадались. Помпоний начал дежурить по ночам у дверей, и выследил некоего человека. Примерно каждый третий вечер этот человек ходил из дворца в дом гетеры Сильвии. Помпоний так воодушевился, что заранее продиктовал мне письмо Цезарю, где говорилось, что коварные предатели через Сильвию сообщают обо всех замыслах властей парфянам. Сильвия, дескать, происходит из одного города с епископом какой-то общины... не с тобой, Дионисий...

– Это радует...

– Что за община... Льстецов, что ли?

– Может, поклоняющихся? – подсказал Иаков.

– Ну да, он так и диктовал: «терапевты» ... Я думал, это просто подлизы... А чему они поклоняются?

– Если тебе непременно нужно узнать это сейчас, то это община иудеев, поклоняющихся, как и мы, Единому Богу. Иисуса они не почитают. А вот поют очень красиво... – коротко разъяснил Дионисий.

– Раз иудеи, тогда все понятно. Помпоний ведь диктовал в этом доносе, что они наверняка связаны с вавилонскими

иудеями, а те – с парфянским царем. Мировой заговор, как обычно. Так или иначе, он взялся подстеречь таинственного посланца и вызвал для этого из казармы десятерых солдат и даже примипилана. Кажется, он еще занял в том же портовом квартале (видно, у конкуренток Сильвии) денег, сказав, что скоро получит награду и отдаст долг. А когда они схватили закутанного в темный плащ человека, им оказался сам светлейший префект Египта Меллий Сабин. Вот чего я не стану пересказывать, так это тех слов, которыми называл Помпония префект, когда все они пришли в канцелярию... Он подробно разъяснил, зачем именно посетил Сильвию, и обещал, что если об этом узнает его жена, то он сделает из Помпония барабан и отошлет в подарок Цезарю... С тех пор он из кожи вон лезет, чтобы заработать награду и расплатиться с долгами. Помпоний, конечно, не Сабин – у этого денег хватает.

– Вот эдакого-то Помпония префект и отрядил, чтобы меня арестовать – видимо, чтобы дать подзаработать. В субботу с самого утра ко мне стали приходить братья из селений вокруг Александрии: они сообщали, что Помпоний верхом носится по дорогам и обыскивает каждый постоялый двор в поисках меня.

– А ты?

– Я сидел дома! Днем, правда, ходил с Тимофеем в училище – там был интересный диспут, а вечером ко мне пришли катехумены, я проговорил с ними едва ли не до полуночи. Я же не знал об эдикте! А Помпоний, видимо, считал, что мне все давно известно...

– Еще бы! Половину писцов канцелярии, тех, кто знает больше двух языков, подозревают в связях с парфянами, а вторую половину – с вами.

– А тебя, Феофан?

– Я знаю персидский, арамейский и латынь. Греческий, конечно, тоже. В связях с вами меня не подозревали. До сих пор...

– Потом, в первый день недели, была литургия, собралось много братьев, даже приехали из Мемфиса и Фив. А бедняга Помпоний все рыскал в окрестностях. Наконец, вечером он зашел к моим соседям и расспрашивал их, не знают ли они, куда я уехал. Соседи, похоже, ничего ему не сказали, хотя я как ни в чем не бывало разговаривал с ними перед этим! А утром я понял, что нельзя искушать Бога, и решил бежать. Со мной пошли братья – вот они – а Тимофея я попросил задержаться, чтобы отменить те дела, которые были уже назначены на ближайшие дни. Мы договорились встретиться в Дакосе...

– Недалеко же ты собрался бежать!

– Я не мог уйти далеко! На тот день у меня было назначено пять разговоров с разными людьми, их поздно было отменять... Я приказал привратнику отправлять их всех на постоянный двор в Дакосе. А на случай прихода Помпония я велел передать ему, что уезжаю в гости в Кесарию...

– У тебя есть знакомые в Кесарии?

– Есть, конечно. Кроме братьев, которые есть и повсюду, в Кесарии сейчас живет мой учитель Ориген.

– Тот самый Ориген? Ты его знаешь?

– А ты?

– Как сказать... Однажды... я только начал учиться... отец показал мне его на улице и сказал, что это знаменитый философ и что когда-нибудь даже Цезаря Гордиана будут называть римским правителем эпохи Оригена. А учитель, когда мы плохо себя вели, диктовал из его сочинений. Там сам Серапис запутается, а учитель и рад был нас выпороть. И еще он говорил, что Оригена выгнали из Александрии, потому что он слишком умный. Я не знал, что он христианин. Кстати, это не ты его выгнал, Дионисий?

– Даже не говори так! Это было задолго до того, как я стал епископом, еще до Иеракла, моего предшественника... Видишь, некоторые считают... не знаю, как тебе объяснить...

Видя, что Дионисий смешался, остальные христиане принялись внимательно разглядывать камни под ногами. Один Иаков не смутился, и сказал:

– Димитрий, который был епископом до Иеракла, считал, что учить христиан могут только он сам или те старейшины, кому он это разрешил. В Кесарии, да и во всей Палестине об этом не беспокоятся: там проповедует тот, кому есть что сказать. Когда Ориген проезжал через Кесарию –

говорят, его возили в Антиохию по просьбе Юлии Маммеи, матери Цезаря Александра Севера – кесарийский епископ просил его говорить в собрании. От ревности Димитрий так разволновался, что потребовал немедленного возвращения Оригена в Египет и запретил ему выступать без его разрешения. Ориген, надо сказать, подчинился, хотя в Кесарии поведение Димитрия сочли недостойным властолюбием; в сущности, это именно так и было.

Дионисий кашлянул, но ничего не сказал, и Иаков продолжил:

– Несколько лет спустя Ориген снова оказался в Кесарии, уж и не помню, каким образом. Тамешний епископ очень хотел, чтобы Ориген учил в его собрании – как он только его не уламывал, но тот – ни в какую. Говорил, что не хочет огорчать Димитрия, раз тот считает, что простой христианин...

– Это Ориген-то простой христианин... – с досадой проворчал Дионисий.

– ...да-да, а Цезарь – простой магистрат, – продолжил Иаков. – Так вот, тогдашний кесарийский епископ Феоктист и его соседи собрались, и поставили Оригена старейшиной. Да он уже и в самом деле был немолод, надо сказать. Ты себе не представляешь, что тут началось! Ну, то есть в Кесарии-то ничего особенного не началось; Ориген, уже как старейшина, говорил во всяком собрании, в котором ему случалось быть. Феоктист только радовался: теперь жаждущие знаний люди стекались в Кесарию, вместо того, чтобы топтать в Египет. Но Димитрий,

похоже, считал, что все христиане Египта принадлежат ему одному.

– Даже приказал называть себя деспотом, – заметил Дионисий.

– Хорошо хоть *jus gladii* не потребовал, – буркнул Гай.

– Право осуждать на смерть может быть только у законных магистратов, тут Димитрию ничего не светило, – заметил Феофан.

– В общем, когда Оригена сделали старейшиной в Кесарии, этого Димитрий перенести уже не смог. Он стал рассылать повсюду письма, обвиняя Оригена в самооскоплении...

– Ничего себе! Клянусь хвостом Себека, это же донос! Гай, а ты говорил, что христианам нельзя доносить! Хорошо, что я пошел с вами – а то донесли бы, видно, за милую душу!

Гай промолчал, отвернувшись; вместо него в разговор вмешался молодой нубиец, принадлежавший к семье одного из христиан. Греческим он владел так себе, и поэтому негромко спросил Феофана:

– Почему ты говоришь про донос? Может, это так и было?

– Было или не было, мы с тобой не видели, – ответил ему Иаков, – а по римским законам за это полагается смертная казнь. К счастью, прокуратор Кесарии – а Димитрий писал и ему – предпочел не вникать в это дело. Мало ли что, Оригена вон в семье Цезаря знают и слушают... Так что осталась Александрия без Оригена...

– Мало того, что это был донос, так еще и ложный – я знаю, о чем говорю. Но ты рассказал не все, Иаков. Дими-

трий тогда собрал целый собор епископов и старейшин, чтобы осудить Оригена и лишить его сана старейшины. Я тоже был там – я тогда уже был старейшиной. Надо сказать, что многие были против, мы с Иераклом в том числе, – добавил Дионисий.

– И чем дело кончилось? – спросил Феофан.

– Да ничем. Точнее говоря, ничем хорошим. Когда выяснилось, что старейшины – а первым среди нас был тогда Иеракл, преемник Димитрия и мой предшественник – не хотят ни осуждать, ни даже судить Оригена, Димитрий распустил собор и созвал новый – уже без старейшин. Новый собор его все же осудил...

– Очень мило. Префект тоже так делает, когда курия его не поддерживает...

– Префекту можно... К счастью, новый кесарийский епископ Григорий, некогда сам учившийся у Оригена, предпочел растопить очаг постановлением димитриевского собора. Все равно, боюсь, нам до скончания века будут поминать эту глупую историю – Иеракл и я потом много лет не могли отмыть александрийских христиан от позора. Хорошо хоть Ориген нас не винит... Само собой, я звал его обратно, но он, видно, уже прикипел к Кесарии и не захотел вернуться.

– А ты не мог приказать? Ты же, вроде, главнее? Или я чего-то не понял? – уточнил Феофан.

– Иисус сказал: «Кто из вас хочет быть большим, да будет всем слугой».

– А я-то думал, почему именно ты побежал за едой, когда мы пришли! Интересно, если Цезарь будет так себя

вести, во что превратится страна? Вот парфяне бы обрадовались... – склонив голову на плечо, прикинул Феофан.

* * *

Тем временем христиане успели разложить костер – на дрова пошли валявшиеся неподалеку обломки – и согреть воду. В котел засыпали лепестки гибискуса и некоторое время все молчали, прихлебывая из глиняных кружек.

– Мало того, что кислятина, еще и раскаленная! – не вытерпел, наконец, Феофан.

– Конечно, если кому в префектуре подадут прохладные вина Трансальпийской Галлии... – откликнулся Гай.

– Да нет, он уже настроился на германский мед. Я говорю, тебе понравится на Рейне... – добавил Иаков.

– Пусть, в самом деле, остынет, – поставив кружку на землю, сказал Дионисий. – Мы не дорассказали о своих приключениях.

– Ты остановился на том, как отправился в Дакос. Как ты здесь-то оказался? Тебя в Дакосе нашли?

– Скорее, я нашел... Содержатель постоялого двора в Дакосе посмотрел на меня как-то странно, но комнату нам все же дал. А в коридоре мы нос к носу столкнулись с Помпием – тот уже собирался уезжать! Он завопил, как будто на него напали крокодилы, и приказал схватить нас. Солдаты, которые были с ним, связали нас четверых, погрузили на повозку и повезли в Тап-Осирис...

– Почему не сразу в Лютецию? В Лондиний тоже неплохо было вас отправить... – не удержался от насмешки Феофан.

– Видишь ли, Помпоний отправил одного из солдат к префекту с донесением, что, дескать, он насилу догнал убежавших бунтовщиков. Видимо, чем дальше он за нами якобы гнался, тем больше награда. Хорошо еще, что он не повел нас к нубийской границе... Да, так вот, к вечеру он довез нас до Тап-Осириса и запер в каком-то сарае. Поскольку там были лежанки – из голых досок, отшлифованных бесчисленными спинами, – я полагаю, что это была казарма для рабов. Там мы начали молиться и... дальше лучше пусть расскажет Тимофей.

Тимофей, на которого указал епископ Дионисий, улыбнулся и начал свой рассказ:

– Я, собственно, вообще не понимал, что происходит. В Александрии я сделал все, что мне поручил Дионисий, и спокойно пошел в Дакос. Со мной был один из братьев, которому нужно было поговорить с Дионисием... Ну, до Дакоса мы дошли вполне благополучно, хотя мимо нас сновали какие-то всадники. От хозяина постоянного двора я узнал, что Помпоний арестовал Дионисия и братьев и увел их в Тап-Осирис. Я уже вообще не знал, что думать: если префект распорядился арестовать Дионисия, то почему его искали четыре дня, когда он был дома? И если его все же арестовали, почему его ведут не в Александрию, а в прямо противоположную сторону? Что вообще за ерунда? Мне показалось, что Помпоний, или кто там арестовал Дионисия, просто хочет денег и будет требовать выкупа...

Феофан повернулся к епископу:

– Ты богат? Помпоний так погряз в долгах, что арестует за деньги хоть самого себя, и отпустит тоже кого угодно!

– Я не богат, хотя всю предыдущую неделю я раздавал деньги беднякам, о которых заботится наше собрание. Но это не мои деньги... Ну, то есть моя часть там тоже есть, – все христиане раз в месяц собирают для этого десятую часть своих доходов. Я, как епископ, отдаю четверть своих...

– Хочешь быть больше?

– Да нет, просто я одинок, а зарабатываю в училище вполне прилично.

– По твоей одежде этого не скажешь – не обижайся, пожалуйста!

– Ох, об одежде не напоминай! – Дионисий указал рукой на Тимофея, и все вновь обернулись к нему. Тимофей продолжил:

– На самом деле многие знали, что у тебя в доме много денег. Ворам же все равно, чьи они! Тем более, что мы бы не смогли обратиться за защитой к префекту. Короче говоря, я не знал, куда мне бежать. Ну, и побежал в Тап-Осирис: я думал, если надо будет бежать за выкупом, как я это узнаю, если не найду Дионисия? И надо же, по дороге встретил одного знакомого – я лечил его в прошлом году от разлития желчи.

– Ты врач? – удивился Феофан.

– А что, не похоже?

– Да как же ты лечил его, если он остался жив?

– Если бы его лечил только я... Я все время молился...

– Надеюсь, Асклепию?

– Даже не надейся, – Иисусу. Леонтий – так зовут этого человека – мне очень обрадовался и стал звать с собой. Он, дескать, идет на свадьбу, там заготовили вина на всю ночь, можно будет здорово повеселиться... А мне ну совсем было не до веселья, и я ему так и сказал. Вот мол, увели Дионисия, и непонятно зачем. Ну, Леонтий и говорит: какого Дионисия, кто увел? Я объяснил, а он как разорется. Всякие сыщики... Шушера подвальная... Папирусомараки вонючие... Извини, Феофан...

– Да-да, нас еще зовут чернильными носами и канцелярскими крысами. Впрочем, это ведь он про Помпонию говорил, правда?

– Само собой! Ну и как пошел он возмущаться: понаехали тут, честному египтянину пройти невозможно, скоро даже пирамиды увезут в Рим... Он, кажется, был уже навеселе. Потацил меня в Птафу – там была эта свадьба. Врывается он на свадьбу, и кричит, что пока вы тут пьянствуете, римляне уже совсем распоясались, даже епископа христиан арестовали вот в Тап-Осирисе. Христиане, говорит, дрянь, но это наша египетская дрянь, мы с ними сами разберемся, если надо будет, а префект пусть не лезет. Одним словом, деревенская пьянка во всей красе. Я думал, сейчас они начнут снова наливать, и я удеру – не тут-то было. Кончилось тем, что они вскочили и, спотыкаясь, побежали в Тап-Осирис. Из Птафы туда час ходьбы. Кое-кто по дороге протрезвел и повернул обратно, но человек двадцать все-таки дошли... Орали они – как легион в атаке, честное слово...

– Мы, собственно, и проснулись от этих воплей, – кивнул Дионисий. – Солдаты, которые нас охраняли, тоже их слышали. А Помпония уже не было: он зачем-то ускакал в город. Вообразите: мы лежим связанные, в одних туниках на голых досках, в углу куча плащей. Решили, что сейчас нас отдадут на растерзание толпе, а потом префект скажет, что христиане подняли мятеж. А солдаты все разбежались, и эти, со свадьбы, вломились прямо к нам. Я смотрю – и не могу понять, что им надо. «Не убивайте нас, – говорю, – добрые люди, вон в углу наша одежда, возьмите ее себе...» А они кричат: «Это ты епископ Дионисий?» Я говорю: «Я». Они схватили меня за руки и за ноги и поволокли на улицу, вслед за мной вытолкали остальных.

– Мы думали, что это конец и начали петь хвалу Иисусу, – вмешался один из спутников Дионисия.

– Нашли подходящий момент! – удивился Феофан.

– Вообще-то это и есть самый подходящий момент, – в свою очередь удивился Дионисий. – Но это был еще не конец. Меня швырнули на какого-то осла – руки справа, ноги слева, я же был связан – и хорошенько наподдали кнутом нам обоим. Мне было больно; ослу, судя по тому, как он помчался, тоже. Удирай, говорят, отсюда, и помолись за нас своему Богу! Представьте себе картину: осел скачет, как угорелый, я вот-вот свалюсь, а мои спутники валяются на земле со связанными руками и ногами!

– А я мечусь между дорогой и братьями – то ли их развязывать, то ли за этим ослом гнаться... – продолжил Тимофей.

– Прости, друг, – вежливо переспросил Дионисий. – Ты имеешь в виду меня или бедное животное?

– Тебя, тебя! Я тебя хотел развязать, что мне за дело до животного... То есть, прости, отец мой, я хотел сказать...

– Спасибо, – не стоит уточнять!

Феофан с изумлением видел, что все расхохотались, а Дионисий как ни в чем не бывало продолжил:

– Неважно, за каким ослом погнался Тимофей, важно, что он догнал обоих и развязал – меня развязал, осел и так был свободен, как ветер. А потом мы вместе вернулись (вместе с этим ослом, как сказал бы Тимофей), развязали остальных и двинулись сюда. А одежда порвалась, пока нас таскали наши пьяные освободители.

– В результате ослом оказался один Помпоний! – заключил Иаков.

– Он сам выбрал свой путь. А теперь, братья мои, поговорим серьезно – медленно произнес Дионисий. Все притихли, даже костер, казалось, стал трещать тише.

* * *

Феофан подумал, что речь пойдет о том, как жить дальше, как спастись от объявленного гонения, куда расходиться из Амессы. Словом, ему казалось, что именно это-то и следует обсудить. Он внутренне напрягся, потому что его собственная судьба оказалась неожиданно связана с этими странными, хотя совсем не страшными людьми. Как это вы-

шло, он и сам еще не понял. На самом деле Дионисий говорил не совсем об этом.

– Раз уж Феофан так любезно предоставил нам либелли...

Феофан вынул монету, подбросил ее и поймал ладонью:

– Не более чем любезность?...

– Конечно, ни о какой корысти ведь речь идти не может!

– О нет! – притворно возмутился Иаков. – Я совершенно случайно нашел на дороге двенадцать динариев и просто подарил их первому встречному...

– А первый встречный просто поделился с тобою своим ремеслом... Вопрос, собственно, в том, можем ли мы воспользоваться ими. Во-первых, их надо заполнить... А потом – рискнуть предъявить и сделать вид, что вы и впрямь приносили жертвы.

– Почему ты говоришь «вы», Дионисий?

– Потому что про меня и так все всем известно, мне никакие либелли не помогут. Я останусь здесь, пока гонение не кончится.

– Феофан, так как насчет «заполнить»?

– Вы что, с ума все посходили? Мало того, что первый попавшийся вигил непременно спросит меня об этих клочках папируса, вы еще хотите, чтобы я подделал подписи магистратов! За кого вы меня принимаете? Я не деревенский пьяница, чтобы очертя голову броситься вас выручать. Я, между прочим, римский гражданин...

- Большинство из нас – тоже, если хочешь знать...
 - Значит, вы должны подчиниться Цезарю, и все тут. Идите и принесите жертвы, Витрувий будет счастлив.
 - Бог сотворил все, что существует. Нельзя поклоняться никому и ничему, кроме Бога. Если приходится выбирать между Иисусом и Цезарем, мы выбираем Иисуса.
 - Его распяли сто лет назад!
 - Больше, чем двести.
 - Он уже ничего не узнает!
 - Он воскрес. И Он сейчас ждет нашего решения.
 - Если он так ревнив, что не может вынести... Если вы принесете жертвы ради спасения собственной жизни...
 - Он уже принес жертву ради спасения нашей жизни. Этого достаточно.
 - И что, вы теперь должны умереть?
 - Мы уже умерли. Умерли для мира и живем для Иисуса.
 - Чего ж вы тогда налоги-то все еще платите?
 - Сами удивляемся, – Иаков неожиданно встрял в перепалку Феофана с Дионисием.
 - Ты вот говорил о чуме в Карфагене... Если ваш Иисус такой слабый, почему вы его боитесь?
- Дионисий встал и повернулся лицом на восток. Помолчав немного, он снова посмотрел на Феофана и сказал:
- Мы не боимся. Мы любим. Да не в том вопрос, заполнишь ли ты их, в конце концов, кое-кто из нас тоже умеет писать. Вопрос, не будет ли предательством воспользоваться ими. И не будет ли это обманом. Помолимся, братья.

– Как дети малые, ничего сами решить не могут, – еле слышно пробормотал Феофан, но Иаков его все-таки услышал:

– Можем, конечно, но нам нравится решать вместе с Ним.

Дионисий снова повернулся к востоку и заговорил:

– Иисус, наш Господь и наш Бог! Ты умер за нас и воскрес, и Ты сказал, что будешь с нами во все дни до скончания века. Вот, сегодня мы приносим Тебе нашу страну и нашу жизнь, мы приносим Тебе всех наших братьев и сестер, кто уцелеет и кому предстоит умереть по эдикту, и приносим Тебе Цезаря и всех, кто будет приводить эдикт в исполнение: излей на нас милость Твою и не отврати лица Твоего от всех нас. Пусть слово Твое распространяется всегда. Иисус, погибнуть нам или жить – да будет воля Твоя. Ты даровал нам свободу, и мы хотим жить, потому что у каждого из нас есть семья и друзья, и целая жизнь. Но мы не сможем жить без Тебя, поэтому мы не знаем, как поступить. Вразуми нас, Иисус!

Потом Дионисий долго молился обо всех, кто остался в Александрии и всех христианах Египта.

Вслед за ним за дело принялся Гай:

– Иисус, мы хотим, чтобы Твоя заповедь вела нас. Мы хотим исполнить то, что Ты поручил нам на земле. Избавь нас от злобы, искорени ее в наших сердцах, чтобы бы могли стать источниками Твоего мира. И мы приносим Тебе Феофана, который пошел с нами не по своей воле, а по Твоей...

«С чего ты это взял?» – подумал Феофан.

... даруй ему мир, пусть он от Тебя знает, как ему поступать...

«Ты уверен, что я сам не разберусь?» – Феофан начал сердиться.

... и мы благодарим Тебя за него.

Тут Феофан растерялся: вроде, сердиться-то и не на что, а вроде как все решают за него. А потом они запели попеременно, одну фразу мужчины, другую – женщины:

– Приидите, воспоем Господу, воскликнем твердые спасения нашего;

– Предстанем лицу Его со славословием, в песнях воскликнем Ему,

– Ибо Господь есть Бог великий и Царь великий над всеми богами.

– В Его руке глубины земли, и вершины гор – Его же; Его – море, и Он создал его, и сушу образовали руки Его.

– Приидите, поклонимся и припадем, преклоним колени пред лицом Господа, Творца нашего;

– Ибо Он есть Бог наш, и мы – народ паствы Его и овцы руки Его.

«Не понимаю, – думал Феофан, – вроде ничего не происходит. Откуда же ощущение, что надо что-то сделать? Мне нужно что-то сказать...». И Феофан сказал:

– Да, Иисус, они Тебя и в самом деле любят. Помоги им, пожалуйста. Если Ты, конечно, на самом деле был, умер и воскрес. Ну, и меня тоже тогда вразуми, мне-то что делать?

Продолжил Дионисий:

– Господь наш, даруй нам посметь назвать Тебя Отцом, как учил нас Иисус...

И они хором запели ту молитву, которую Феофан уже слышал: «Отец наш, который в небе...».

Слова «не введи нас в искушение, но избавь нас от зла» показались ему более чем уместными.

Дионисий поклонился всем христианам (Феофану показалось, что он и на него бросил быстрый взгляд) и сказал:

– С миром закончим нашу молитву. Располагайтесь на ночлег, завтра на рассвете совершим литургию.

И пошел помогать устроиться какой-то семье, у которой были маленькие дети...

* * *

Феофан, оказавшись предоставленным сам себе, укрывшись от ветра в одном из домов с сорванной крышей, завернулся поплотнее в плащ и попытался заснуть. Не тут-то было... Часа полтора он проворочался с боку на бок, а потом наконец встал и вышел. Над развалинами Амессы светила луна; дома четко выделялись тенями на фоне земли. Было тихо и довольно холодно.

В окне (точнее сказать, в оконном проеме) дома, где расположились Дионисий и его спутники, Феофан увидел отблеск лампы. Ему очень хотелось заглянуть туда через окно, но он вспомнил прошлую ночь – неужели это было

сутки назад? – и решительно вошел через то, что когда-то было дверью.

– Можно?

– Заходи, Феофан! – отозвался Дионисий.

Войдя, Феофан увидел Дионисия, сидящего на подоконнике у дальнего от двери окна, а у стены за столом – пишущего что-то Тимофея. Очевидно, Дионисий диктовал ему. На самом деле, когда Феофан вошел, Тимофей не писал, а соскабливал с папируса здоровенную кляксу; рядом валялось сломанное стило.

– Я однажды видел, как пишут писцы. Как вам удается делать это с такой скоростью? Я вот могу еле-еле... И то, видишь, что получилось, – он показал Феофану папирус, на котором красовалось грязное пятно.

– Давай, помогу. Не три дальше, дырку протрешь. Лучше смой водой. А если есть еще папирус...

– Есть, кажется. Стило последнее...

– Дай-ка я... Принеси лучше папирус...

Тимофей вышел, и Феофан по-хозяйски сел на его место. Он взял со стола нож, заточил трость, потом начал выстругивать еще одну. Ему хотелось сказать Дионисию что-нибудь, но сказать было нечего. Молчание нарушил сам Дионисий:

– О чем ты хочешь спросить меня? Говори, не бойся.

– Да, собственно, я ни о чем особенном не собирался спрашивать. Просто не спится. Вы странные люди. Еще вчера я думал, что вы негодяи, изменники, и вообще... *Christianes ad leones*... А Гай сказал на это, что мужчине не

пристало повторять глупостей толпы. А что пристало повторять мужчине? И потом, если все, что я знал о богах – тоже глупости толпы... Разве так может быть? А вдруг Бог и в самом деле один? Знаешь, я подумал, что если бы я был единственным богом, создал бы людей, любил их, жалел, а они принялись бы поклоняться чему-то еще, мне тоже было бы обидно. Так что я, кажется, понял, почему вы не хотите приносить жертвы. Ну, не то чтобы понял...

– Ты все правильно понял, Феофан.

– В Кесарии есть одна девушка... Она очень хорошая, и я... Она замечательная! Я помогал ей носить воду из колодца, потому что она такая тоненькая, – кажется, что кожаное ведро может сломать ее. А воды надо много... А потом был праздник, и она пошла в горы... Ну, в общем, она пошла в горы не со мной. Мне было так... – не знаю, как это называется! Вы именно так не хотите поступать с Иисусом?

– Да.

– Слушай, ну так же очень больно... То есть, если он и в самом деле так к вам относится... Любить же иногда очень больно...

– Ему было очень больно на кресте.

– Да, я знаю – я видел распятых. А за что его осудили? Ты говорил, двести лет назад – это при Веспасиане, когда разрушили Иерусалим?

– Раньше, при Тиберии. Его осудили... Да ни за что, на самом деле. Ты что-нибудь знаешь про иудеев?

– Ну, знаю. У моего отца в Кесарии соседи – иудеи. Да и в Александрии их, сам знаешь, полным-полно.

- Иисус – иудей. Он – иудейский Мессия, Христос...
- Ах вот оно что, – ну конечно, христос! А я думал, он – хрестос, думал, вы его так называете, потому что он добрый. Через «йоту», не через «эту»! Интересно, а как полатыни это надо писать?
- Через «и».
- Ну, ладно, Мессия, дальше-то что?!
- Он говорил, что Бог хочет от людей милости друг к другу, а не жертвы. Он хочет, чтобы мы любили друг друга и полагались на Бога. А еще Он говорил, что Бог нас простил.
- Что, сам первый и простил? Мы даже не просили?
- Знаешь, Феофан... Ты все еще сердисься на ту девушку?
- Нет, конечно.
- Она просила простить ее?
- Да нет, просто я скучал по ней, скучал – и как-то само собой простил. Э, ты что хочешь сказать, что ваш Бог похож на нас?
- Это мы на Него похожи. Мы Его образ и подобие...
- Ладно, давай без умствований. Лучше про Иисуса расскажи.
- Он никому никогда не делал зла. Он учил любить – и любил Сам. Он учил прощать и говорил, что грех – это когда не любишь, а все остальное – детали. И Он говорил, что поскольку Бог простил нас, надо обернуться умом, и начать жить заново, в любви, хотя это и очень трудно. Ученики...
- У него было много учеников?

– Двенадцать, из них один оказался предателем. Так вот, ученики думали, что Он вот-вот захватит власть, и начнется бунт, и они станут во главе нового царства. А Иисус говорил, что царство Бога – внутри сердца, и что оно растет там, как зерно в земле.

– Ух ты, как красиво! Он поэт!

– Он сотворил этот мир, еще бы!

– Нет, я имел в виду не поэзис, а поэзию... Впрочем, так тоже неплохо! Так казнили-то его за что? Они все-таки взбунтовались?

– Иудейские начальники, по-моему, просто Ему завидовали. На самом деле, если Бог нас простил и дает новую жизнь...

Тут вошел Тимофей и сказал:

– Смотри, Феофан, я все-таки отмыл этот папирус!

Дионисий улыбнулся, лицо его прояснилось:

– Видишь, если папирус уже чистый, зачем тогда нужен скребок? Надо садиться и писать. Если Бог нас простил, нужно принять Его прощение и жить заново. А они как этот скребок, считали, что без них никак не обойтись. Если мы с тобой уже познакомились – или уже помирились, – зачем нам разговаривать через посредников? А префекту Иудеи они сказали...

– Разве тогда были не прокураторы?

– Нет, прокураторов стал назначать только Веспасиан, чему тебя в школе учили? При Тиберии в Иудее был префект... Хотя теперь все по привычке говорят о прокураторе. Так вот, префекту они сказали, что Царство Иисуса – это вместо царства Цезаря.

– Тогда понятно, почему его распяли. А сбежать он не мог, что ли?

– Мог, конечно. Более того, Он столько раз делал удивительные, чудесные вещи – исцелял, например... Многие ждали, что Он сделает нечто такое и сейчас. А Он – не захотел. Он не хотел быть против, Он хотел быть только за, даже ценой жизни. «Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих» – это про Него.

– А Александр говорил, что он воскрес...

– Его похоронили в пещере, второпях. А иудеи там еще стражу поставили. А на третий день, когда пришли к пещере, увидели остолбеневшую стражу и пустую пещеру. Только пелены еще лежали, какие-то обожженные, но не размотанные. А Его там не было.

– Как это он вышел из пелен, не размотав их?

– Ты меня спрашиваешь?

– А ты его не спрашивал? – усмехнулся Феофан.

– Знаешь, мне это не показалось важным. Ученики видели Его живым и Он говорил с ними. И с нами. Вот мы и пытаемся идти вслед за Ним.

– Ну, еще расскажи!

– Завтра, и не тебе одному, а всем. А сейчас пусти, пожалуйста, Тимофея, нам еще три письма надо написать.

– Не пущу, а то он так и будет всю ночь то папирус чистить, то стило чинить. Диктуй мне – зря я, что ли, писец

Александрийской префектуры. Я, кстати, владею скорописью... – Феофан помолчал. – Не знаю, заполню ли я ваши либелли, но доносить на вас я точно не буду. Нет, не буду.

Первые два письма Дионисия были обращены к неизвестным Феофану епископам; речь в них шла об эдикте. А последнее, которому предстоит сыграть известную роль в нашем повествовании, – к Оригену. Дионисий и ему писал о преследовании христиан и предупреждал, что если в Кесарии станет слишком опасно, он попытается спрятать Оригена в египетской пустыне. Феофан потом спросил его:

– Ты думаешь, он приедет?

– Неважно, это он сам решит. Перед Богом я должен это ему сказать, а там – как захочет Иисус. Все, давай спать – завтра вот-вот наступит.

Феофан вернулся в тот дом, который облюбовал с вечера, и немедленно провалился в сон.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

На рассвете следующего дня проснувшийся от холода Феофан увидел, что Дионисий и еще несколько христиан уже встали и что-то делают в одном из более или менее сохранившихся домов. Наскоро умывшись у колодца, Феофан пошел к ним. В доме на дальней стене висел уже виденный Феофаном крест; а на расстоянии шага от нее был поставлен стол. Кажется, это был тот самый стол, за которым Феофан писал прошлой ночью, – других столов он все равно не видел нигде, куда заходил накануне в поисках удобного места для ночлега. На столе, накрытом белой тканью, несмотря на то, что было уже совсем светло, горела лампада; позади нее стояла шкатулка, которую накануне нес Гай. Вслед за Феофаном вошел Тимофей с пергаментным свитком в руке; поздоровавшись с Феофаном, он спросил стоявшего у стола Гая:

- Вот он, куда положить?
- Да клади прямо на стол, какой смысл его прятать?
- А вносить как будем?

– Никак не будем, прямо со стола и возьмем. Ну, поставим еще лавку вот здесь, и, кажется, все...

Гай и Тимофей взяли стоявшую у стены лавку и выдвинули ее к столу. В оконный проем влетел порыв ветра и чуть было не угасил лампаду... Феофан хотел подойти и поправить фитиль, однако не стал этого делать: один за другим в помещение, приветствуя друг друга, начали входить люди.

Один из спутников Дионисия принес и поставил на подоконник поднос с хлебом, кубок и два кувшина; что было в кувшинах, Феофан не знал. Подошедший Иаков показал на хлеб и сказал:

– Это тот самый хлеб, который тебе не продал в «Красном ибисе» Эрисфен. За ним-то ты и пошел... Даже досюда. Дионисий разрешил тебе быть здесь?

– Мне и в голову не пришло спрашивать!

– То, что здесь будет происходить, особенно вторая часть, предназначено только для христиан. По крайней мере, теоретически. Лет сто назад тебя бы попросили уйти, а сейчас... Спроси все-таки Дионисия, вот он идет.

Феофан обернулся и сказал:

– Доброе утро. Можно мне присутствовать? Иаков говорит, что по вашим правилам надо спросить у тебя...

– Спросить надо не столько по правилам, сколько из вежливости. В принципе тебе... Впрочем, если ты хочешь присутствовать – будь здесь. Захочешь уйти – уйдешь. По крайней мере, будешь знать, что мы не пьем кровь иудейских младенцев.

– Да где вы ее здесь возьмете, – рассмеялся Феофан. – Ослиная голова, насколько я понимаю, тоже нигде не припрятана?

– Под лавками смотрел? – рассмеялся в свою очередь Дионисий.

* * *

Христиане рассаживались по лавкам, которые стащили сюда чуть не со всего поселка. Справа расположились мужчины, в том числе и Дионисий; слева – женщины. Дети разбрелись вдоль задней стены; Феофан, подумав, сел справа, но у самой двери – и оказался среди детей. Гай встал со своего места и вышел на середину; собравшиеся притихли.

– Помолимся, братья, – сказал он.

«Так я и думал», – мелькнуло в голове Феофана.

Христиане поднялись с лавок и запели, как накануне, – мужчины и женщины попеременно:

– Благослови, душа моя, Господа, и вся внутренность моя – святое имя Его.

– Благослови, душа моя, Господа и не забывай всех благодеяний Его.

– Он прощает все беззакония твои, исцеляет все недуги твои; избавляет от могилы жизнь твою, венчает тебя милостью и щедротами;

– насыщает благами желание твое: обновляется, подобно орлу, юность твоя. Господь творит правду и суд всем обиженным.

– Милость Господня от века и до века к боящимся Его, и правда Его на сынах сынов, хранящих завет Его и помнящих заповеди Его, чтобы исполнять их.

– Господь на небесах поставил престол Свой, и царство Его всем обладает. Благословите Господа, Ангелы Его, крепкие силою, исполняющие слово Его, повинуюсь гласу слова Его;

– Благословите Господа, все воинства Его, служители Его, исполняющие волю Его;

– Благословите Господа, все дела Его, во всех местах владычества Его. Благослови, душа моя, Господа!

Еще недавно Феофану показалось бы, что вся эта песнь – чистой воды бунт; сегодня он подумал только, что если Единый Бог существует, как думают христиане, то ему и быть Царем. И тем хуже для Цезаря. Когда христиане допели, Гай снова повернулся к собравшимся и сказал:

– Помолимся о нашем епископе Дионисии!

Дионисий вышел вперед к столу, вслед за ним вышел Тимофей. Дионисий взял у него из рук белый хитон и надел поверх своей потрепанной туники. Потом, подавая Дионисию вышитую золотом ленту, Тимофей произнес:

– Радостью буду радоваться о Господе, возвеселится душа моя о Боге моем; ибо Он облек меня в ризы спасения, одежду правды одел меня, как на жениха возложил венец и, как невесту, украсил убранством.

Феофан подумал, что скорее всего это лента Гая: Дионисий и его спутники не принесли с собой вообще ничего. Сам Гай, а кроме него еще Иаков и один из спутников Дио-

нисия, Руфин, тоже облачились в белые хитоны – но никаких лент у них не было.

Дионисий встал перед столом и сказал: «Помолимся»; потом сразу продолжил, словно был совершенно уверен, что все присутствующие последуют его призыву:

– Боже любви, податель единокровия, давший нам через Единородного Сына Твоего единственную новую заповедь, чтобы мы любили друг друга, как Ты возлюбил нас, недостойных и заблуждающихся и отдал Сына Твоего за жизнь и спасение наше! Молим Тебя, Господь наш, даруй нам во всякое время нашей жизни на земле, а особенно – сейчас, дух, не помнящий зла, совесть чистую и помыслы искренние, а еще – сердце, любящее братьев, чтобы нам приветствовать друг друга как святые Твои ученики, а не как Иуда предатель, чтобы нам освятиться Духом Твоим Святым и благодатью Единородного Сына Твоего!

Дионисий обернулся к собравшимся, внимательно посмотрел на каждого (Феофану показалось, что на него он посмотрел особенно внимательно) и сказал:

– Шалом, мир вам!

– И тебе мир, Дионисий!

– Приветствуйте друг друга!

Мужчины при этих словах стали пожимать друг другу руки, а женщины – целоваться. Феофан почувствовал себя чужим, и ему захотелось выйти – но тут из переднего ряда к нему подошел Иаков и сказал:

– Мир тебе, Феофан! Прости меня за ту чернильницу... и вообще...

– Мир тебе, Иаков! Я тоже хорош... – но договорить им не пришлось.

Тимофей внес глиняную миску с углями, поставил на правый край стола и подал Дионисию какую-то не то коробочку, не то шкатулочку, – Феофан не разглядел. Дионисий переложил что-то из коробочки в миску; поднявшийся столб дыма и специфический запах подсказали Феофану, что это была смола ладанного дерева. Дионисий произнес:

– Фимиам приносим перед святой славой Твоей, Боже, прими его на небесный Твой жертвенник и ниспошли нам благодать Духа Твоего. Помолимся, и пусть наша молитва вознесется к Отцу, как благоухание фимиама.

Тимофей встал рядом с Дионисием и начал перечислять то, о чем следует молиться; христиане медленно пели «Кирие элейсон». Как обычно (Феофан уже в третий раз присутствовал при молитве христиан, если считать ту, что он подслушал через окно) они молились о мире и примирении, о христианах повсюду, чтобы они были избавлены от зла и смогли сохранить верность своему Богу. Кроме того, Тимофей молился о тех, кто преследует христиан, и просил, чтобы Бог склонил сердце Цезаря к милосердию. Потом они просили о прекращении войн и предстоящем урожае, об избавлении от голода. Наконец Тимофей развернул какой-то папирусный свиток, и стал читать имена – бесчисленные, как показалось Феофану.

«Они что, собираются перечислять поименно все население империи?» – подумал было он, но тут списки закончились и заговорил Гай:

– Предвечное Слово Отца, Иисусе Христе Боже наш, пошли свет Твой и истину Твою, и просвети очи ума нашего к разумению божественных слов Твоих, и сподоби нас быть не только слушателями, но и исполнителями слова, чтобы принести добрый плод и в тридцать и во сто крат, ибо Ты – радостная весть, и Тебе славу воссылаем со Отцом и Духом ныне и всегда. Аминь.

После этих слов Тимофей подошел к столу, взял с него свиток и подал Дионисию. Тот раскрыл свиток, потом прокрутил его дальше, еще дальше, почти до самого конца, и сказал:

– Радостная весть по Иоанну.

Гай сказал:

– Будем внимательны, – и Дионисий начал читать:

«Господь сказал Своим ученикам: Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода. Вы уже очищены через слово, которое Я проповедал вам. Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне. Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают.

Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам. Тем прославится

Отец Мой, если вы принесете много плода и будете Моими учениками. Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас; пребудьте в любви Моей. Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей, как и Я соблюл заповеди Отца Моего и пребываю в Его любви. Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна.

Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам. Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего. Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал, дабы, чего ни попросите от Отца во имя Мое, Он дал вам. Сие заповедаю вам, да любите друг друга.

Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир. Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше. Но все то сделают вам за имя Мое, потому что не знают Пославшего Меня. Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем. Ненавидящий Меня ненавидит и Отца моего. Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха; а теперь и видели, и воз-

ненавидели и Меня и Отца Моего. Но да сбудется слово, написанное в законе их: возненавидели Меня напрасно.

Когда же приидет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне; а также и вы будете свидетельствовать, потому что вы сначала со Мною».

– Это слово Иисуса Христа, – сказал Гай, и все ответили:

– Ему слава во веки.

* * *

Дионисий отдал свиток Тимофею и сделал знак рукой. Все сели; несколько человек: Дионисий, Гай, Иаков и Руфин – сели на поставленную около стола скамью лицом к собравшимся. Иаков, наклонив голову, почти касался подбородком груди – казалось, он погрузился в сон. Дионисий и Гай, напротив, сидели прямо, как будто вытянулись вдоль невидимых столбов. Руфин, согнувшись, уперся локтями в колени и положил голову в сомкнутые ладони. Другие смотрели – кто на крест, а кто и на небо, видневшееся в оконном проеме. Дети постарались расположиться поудобнее, привалившись, кто мог (лавка стояла криво), спиной к стене. Наконец, молчание нарушил Иаков:

– Мы слышали сегодня, что Иисус предупредил учеников, а через них – и нас с вами, что мир возненавидел Его, а нас уж заодно, за имя Его. Он принес в мир совершенную

любовь, и если частица этой любви пребывает в нас, значит, Его Царство живет, и мы живем в нем. Сто лет назад нас никого не было. Через сто лет никого из нас не будет в живых. Но сегодня мы призваны быть присутствием Иисуса, быть Его телом, Его руками и Его глазами. Мы сейчас бежим от преследований, но не будем бежать от призвания. В том месте, где мы сейчас есть, будем любить друг друга, как Иисус возлюбил нас. И пусть над нашим смертным часом будет властен только Бог. И пусть только Он будет нашим Господином, чтобы нам быть свободными в Его истине.

После Иакова заговорил Руфин:

– Лоза, о которой говорит Господь, – это доброе вино, которое мы сейчас принесем Ему. Ветви – Его ученики, через которых передано нам это слово и это таинство. Мы с вами – тот плод, который они принесли Ему. Когда мы отдадим свою жизнь до конца, до последнего дня, пусть и у нее будет плод, которого ищет Иисус: вера, действующая любовью.

Гай, очередь которого настала после Руфина, сказал:

– Господь избрал нас, чтобы мы разделили с Ним Его радость. Еще недавно многие из нас даже не догадывались, что эта радость существует. Те, кто преследует нас, кто приносит сегодня жертвы ложным богам, от самого Цезаря до последнего фаюмского пастуха, думают, что им лучше, чем нам. Сегодня их не трогают, а мы вынуждены бежать, спасаться, как бежали сюда, в Египет, Иисус и Его родители от Ирода. Но мы ничего не боимся, потому что у нас есть радость Иисуса. Иисус радуется, что Он не один – и мы ра-

дуюсь, что Он с нами. А люди, которых мы знаем, рядом с которыми мы долго жили и которые сегодня будут шарить по нашим домам в поисках чего-нибудь ценного, все живут в страхе. Когда они только рождаются, они уже боятся умереть; когда они бедны, они боятся, что никогда не вылезут из долгов и никто не посмотрит на них с уважением. Когда они разбогатеют, они боятся, что кто-нибудь позарится на их добро. Они всегда боятся умереть, а когда этот день наступит, они цепенеют от страха, что дальше не будет ничего, вообще ничего – а им кажется, что они только начали жить. Они придумали переселение душ, чтобы было на что надеяться. А надо надеяться на Иисуса. Он все отдал уже в этой жизни, и после смерти Ему была дана всякая власть на небе и на земле. И если мы не будем цепляться ни за что, кроме любви Иисуса, мы вместе с Ним будем все терять – и все приобретать. Будем благодарить сейчас нашего Отца, потому что мы знаем Иисуса, и ничего не боимся.

Наконец, последним поднялся Дионисий:

– Мои братья старейшины сказали почти все то, что я хотел вам сказать, я добавлю только одно. Среди наших братьев многие сейчас не знают, как им поступить. Будем молиться о них, чтобы они услышали слова Иисуса. Вы знаете, что наши собрания терзают расколы; братья слишком сильно хотят видеть то, что Бог сокрыл от нас, и не хотят видеть то, что Он нам открыл. Мы слишком ценим почет. Однажды Иисус сказал Своим ученикам о фарисеях: «Они любят, чтобы люди говорили им «учитель, учитель», а у вас пусть будет один учитель – Христос». Так и у нас, каждый, у

кого есть хоть капля воображения, представляет себе небеса, а потом учит, как они устроены. И все не согласны друг с другом – а разве бывает, чтобы люди видели одинаковые сны? Когда мы видим вместе – мы видим, что небо синее, а скалы – серые, что трава зеленая, а львы желтые. А сны у всех разные, и ни один не похож на жизнь. Вот, Иисус дал нам только одну заповедь, чтобы мы любили друг друга. И это слово мы все слышим одинаково. Это – настоящее, а все остальное – догадки. Когда мы умрем и увидим Иисуса, мы посмотрим Ему в глаза и увидим в них все. Поэтому будем молиться о том, чтобы мы не ссорились и не разделялись друг с другом из-за того, чего никто из нас не видел. Кому Бог дал мудрость, как Оригену, – тот пусть мудрствует в любви. А кому не дал, как нам с вами, – тот пусть любит в простоте. Но будем беречь единство. Принесите хлеб и чашу...

* * *

Тимофей и Гай поднялись со своих мест и подошли к подоконнику, на котором было приготовлено то, о чем просил Дионисий. Тимофей взял блюдо с хлебом и поднял к самому лбу; Гай влил в чашу вино, а потом добавил в него воды. Воды, как заметил Феофан, было раза в два больше вина. Первым к Дионисию подошел Тимофей, отдал ему блюдо и вернулся к своему месту на первой лавке. Дионисий, взяв у него блюдо, поставил его на стол и обернулся

к Гаю, который подал ему сосуд с вином. Когда Дионисий поставил на стол и этот сосуд, к столу подошли Иаков с Руфином и встали по сторонам, а Гай встал рядом с Руфином. Когда Дионисий обходил стол, чтобы встать за ним, к нему подошел Тимофей и тихо спросил:

– Отец мой, не следует ли Феофану выйти?

Они оба посмотрели на Феофана, и тот понял, что речь идет о нем.

«Я никуда не уйду», – подумал Феофан.

Заметивший все это Иаков прошептал Дионисию:

– Какая разница, будет он слушать отсюда или из-за окна?

Гай улыбнулся, а Дионисий ответил:

– Пусть остается, если хочет; – он сказал это довольно громко, и Феофан успокоился.

Дионисий снова произнес:

– Шалом, мир вам, – положил правую руку на хлеб, и сказал:

– Господь со всеми вами.

– Весь да будет с духом твоим, – хором ответили ему собравшиеся.

– Вознесем сердца.

– Они – у Господа Бога нашего.

– Будем благодарить Господа.

– Это достойно и справедливо, – при этих словах все собравшиеся встали на колени.

В этот момент Феофан не на шутку растерялся: остаться сидеть, когда все стоят на коленях, было бы более чем

глупо. Встать? И стоять столбом посреди всех? Опуститься на колени – с какой стати? Тут сидевший рядом парнишка, сползая с лавки, дернул Феофана за хитон и прошептал:

– Ты что, спишь? Иисус же сейчас придет!

Больше не раздумывая, Феофан преклонил колени, а потом, взглянув на устроившихся рядом детей, сел на пятки, подумав:

«Надеюсь, это не на весь день».

Тем временем Дионисий начал молиться; ему вторили стоявшие вокруг стола Иаков, Гай и Руфин. Молились они так:

– Благодарим Тебя, Господи, через возлюбленного Сына Твоего Иисуса Христа, Которого Ты послал к нам в последние дни, Спасителя и Искупителя, вестника замысла Твоего. Он – слово, из Тебя сущее, через которое Ты все сотворил волей Своей и послал Его с неба во чрево Девы. Он воплотился и был носим во чреве Ее; Он от Духа Святого засвидетельствован как Сын Твой, чтобы исполнить волю Твою и создать Тебе народ; Он распростер руки Свои и пострадал, чтобы избавить страждущих, которые веруют в Тебя. Он по воле Своей предан был на страдание, чтобы разрушить смерть, расторгнуть узы сатаны и попать ад, и вывести оттуда святых и открыть Воскресение. Итак, на Тайной вечере взяв хлеб, Он благодарил и сказал: Примите, ешьте, это есть Тело Мое, за вас ломимое. Подобным образом также и чашу и сказал: это есть Кровь Моя, за вас изливаемая; когда вы делаете это, в Мое воспоминание будете делать это. Итак, вспоминая смерть Его и воскресение Его, мы приносим

Тебе этот хлеб и чашу, воздавая благодарность Тебе, что Ты удостоил нас стоять пред Тобою и совершать священническую службу Тебе. Усердно молим Тебя послать Духа Твоего Святого на приношение этого собрания, равно и всем причащающимся их воздать святость, чтобы они исполнились Духа Святого и, к утверждению веры их в истине, чтобы они прославляли и восхваляли Тебя в Сыне Твоем Иисусе Христе, в котором Тебе хвала и власть в святом собрании ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

Когда они закончили, все присутствующие (кроме молчащего Феофана) произнесли:

– Ты был, и есть, и будешь в роды родов и во веки веков. Аминь.

Когда все встали, Дионисий продолжил один:

– Еще молимся Вседержителю, Господу всемогущему, Отцу Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, чтобы Он сподобил нас в благословение принимать это святое Таинство и чтобы никого из нас не признал виновным, но сделал достойными всех, которые принимают и причащаются святого Таинства Тела и Крови Христа Вседержителя, Господа Бога нашего...

Тимофей обернулся к собранию и сказал:

– Склоните ваши головы. Будем внимательны.

Дионисий взял хлеб с блюда, поднял его высоко над столом, и, слегка нараспев, произнес:

– Святое святым!

Христиане ответили ему:

– Один Отец свят, один Сын свят, один Дух Святой.

– Господь со всеми вами!

– И с духом твоим.

Тимофей сделал знак рукой, и все запели:

– Слава в вышних Богу, и на земле мир, в людях благоволение. Хвалим Тебя, благословляем Тебя, поклоняемся Тебе, славословим Тебя, благодарим Тебя ради великой славы Твоей. Господи, Царь Небесный, Боже Отец Вседержитель, Господи Сын Единородный Иисус Христос, и Святой Дух, Господи Боже, Агнец Божий, Сын Отца, взявший грехи мира, помилуй нас, взявший грехи мира прими молитву нашу, сидящий одесную Отца, помилуй нас. Ибо Ты Один Свят, Ты Один Господь, Иисус Христос, в славу Бога Отца. Аминь.

Пока пелась эта песнь, Дионисий разломил хлеб на много частей – Феофану показалось, что гораздо больше, чем собравшихся. Потом Дионисий склонился перед столом, съел одну частицу и отпил из чаши; стоявшие у стола сделали то же самое.

А дальше христиане выстроились в ряд и стали по очереди подходить к столу. Каждый из них брал с блюда часть хлеба, – Дионисий при этом говорил ему:

– Иисус посреди нас, – затем каждый съедал свой кусок, отпивал из чаши и уходил к своему месту.

Первыми подходили мужчины. Некоторые – Феофану показалось, что главным образом отцы семейств, несли с собой шкатулки, похожие на стоявшую на столе шкатулку Гая. Когда они съедали свой хлеб и отпивали из чаши, Дионисий брал с блюда кусок побольше, разламывал его на не-

сколько частей и клал в подставленную шкатулку, которую эти мужчины уносили с собой.

Потом к столу подходили женщины, и делали все тоже самое, впрочем, шкатулок ни у одной из них не было. Когда к столу пошли стоявшие рядом с Феофаном дети, он с надеждой взглянул на Иакова. Иаков прикрыл глаза и коротко покачал головой, давая понять, что Феофану подходить не следует. Нельзя сказать, что Феофан огорчился: он почувствовал, что тому есть серьезная причина, которую Иаков объяснит ему потом, а нарушать благоговейную тишину Феофану никак не хотелось.

После того, как все отошли от стола, Дионисий вышел и встал перед ним. Все христиане обступили его, он простер над ними руки и сказал:

– Боже вечный, Кто всем управляет, Отец Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа! Благослови рабов Твоих и рабынь Твоих, защити и помоги и сохрани их силой ангелов Твоих; сохрани и укрепи их в трепете пред величием Твоим; просвети их, чтобы они помышляли о том, что Твое; даруй им, чтобы они веровали в то, что Твое и хотели того, что Твое; согласие без греха и гнева даруй им через Единородного Сына Твоего, в котором Тебе с Ним и с Духом Святым да будет хвала во веки. Аминь.

Дионисий медленно оглядел всех, и сказал:

– Расходитесь с миром.

Все вышли из дома и разбрелись по площади вокруг колодца. Каждый сел, где ему было удобно, и около получаса все хранили молчание. Только Дионисий, Тимофей и ста-

рейшины – Иаков, Гай и Руфин – тихо-тихо поставили не-подалеку лавки (стол, похоже, и в самом деле был один на весь поселок) и вместе с двумя женщинами стали выносить и класть на них незамысловатую еду.

* * *

Собравшиеся христиане принялись разбирать лепешки и финики, делая это, в отличие от того, как они только что брали хлеб и вино, почти в обратном порядке. Сначала подходили дети, потом женщины, и потом – мужчины. Впрочем, здесь все происходило гораздо хаотичнее, как будто порядок, с одной стороны, существовал, но с другой стороны, никто не придавал ему слишком большого значения. А может быть, просто дети вопили громче, а взрослые начали, хоть и негромко, разговаривать друг с другом. Тем не менее, Феофан обратил внимание, что Дионисий и старейшины (он уже понял, что Иаков, Гай и Руфин – старейшины) все же взяли еду последними. Феофан подсел к Иакову и, усердно работая челюстями, сказал:

– Насколько я понимаю, разговаривать уже можно? Слушай, что вы ели и пили?

– А что?

– Ну, про вас говорят, что вы... людоеды... и что вы пьете кровь иудейских младенцев... Что ваши литургии – фиестовы пиры...

– Сам же видел! А, ну да, ты думал, что мы тебя для этого сюда заманили? – Иаков соорстил страшную рожу. – Нет, братец, ты слишком тощий... Непитательный ты какой-то...

– Интересно, а все, что о вас говорят, такая же ерунда?

– Как сказать... Единственное, что верно, это что мы атеисты: сам видишь, богов мы не чтим. А остальное... Так устроены люди – им всегда нужны плохие, чтобы их ненавидеть.

– Странно... Я думал, вы – чудовища, а вы... как это сказать... может, вы-то как раз и нормальные? Наверное, надо заполнить вам либелли: жаль будет, если вас уничтожат.

– Я как раз хотел спросить, что ты решил; спасибо, ты многим продлишь жизнь. Хотя как раз так-то нас не уничтожить, – сказал подошедший к ним Дионисий.

– А как? Вдруг я стану Цезарем, и надо будет этим заниматься...

– Так я тебе и рассказал...

– Ну в самом деле?

– Поскольку Цезарем ты не станешь (да помилует тебя Господь!), я отвечу: заставляй людей быть христианами.

– И что, вас не останется?

– Ни одного.

– Ты не прав, Дионисий, – заметил Иаков. – Иисус обещал, что кое-кто все же останется. Но их будут считать плохими христианами.

– Может быть, и так. Иаков, мне нужно с тобой поговорить... Прости, Феофан...

Иаков поднялся, и они отошли на несколько шагов, так что ничего было не слышно. Феофан видел, как Дионисий что-то долго говорит, а Иаков только молча кивает головой. Потом он задумался, покачал головою, словно в чем-то сомневался; наконец они вернулись. Заговорил Дионисий:

– Феофан, я вот прошу Иакова отнести в Кесарию мое письмо Оригену – то, которое ты писал вчера ночью. Но я не хочу отпускать его одного: в Кесарии он чужой, да и вообще путь туда долгий и небезопасный, особенно для Иакова и особенно сейчас. Если бы с ним согласился пойти кто-нибудь... Что скажешь?

– Скажу, что вам дай палец – вы всю руку отхватите. Ты не мог придумать, кого послать, прежде, чем писать письмо?

– Да я, собственно, и собирался просить Иакова, но ему и в самом деле опасно идти одному.

– А что... Может, сделать вид, что я его изловил и веду под арестом? Не боишься, что я тебя сдам Помпонию? – обратился он к Иакову.

– Если хотя бы часть того, что я вчера узнал о Помпони, правда, то он будет искать меня как раз где-нибудь в Кесарии. А ты? Не боишься, что я тебя съем?

– Да я, вроде, не иудейский младенец... Ладно, я и сам хотел бы кое-кого повидать в Кесарии. Когда идти?

– Думаю, лучше выйти вскоре после полуночи: утром мы придем в Фаюм, а вечером сможем отправиться дальше. Все-таки днем ходить слишком жарко, да и небезопасно.

Дионисий и Феофан удивленно посмотрели на Иакова, а тот, разводя руками, сказал:

– А вы что, хотите, чтобы мы путешествовали без денег? Еду на себе нести, что ли? А Эрисфен – ты его не знаешь, Дионисий, это содержатель харчевни в Фаюме – должен был вчера отдать мне долг – триста сестерциев.

– Ты уверен, что он отдаст их тебе, а не разделит с этим... как его... Витрувием?

– Бог милостив! Во всяком случае, надо попробовать их получить, а нет – так нет. Но тогда нам с Феофаном придется туго...

Остаток дня ушел на подробное обсуждение предстоящего путешествия. Феофан настаивал, чтобы держаться подальше от крупных городов, особенно – от Александрии. Он даже предлагал пойти в Кирену нанять там судно и отправиться в Кесарию морем, но Дионисий сказал, что это слишком опасно: дорога до Кирены проходила через пустыню, в которой легко можно было напороться на кочевых ливийцев. В конце концов решили от Фаюма выйти прямо к Нилу, а там будет видно.

Вечером Феофан угнездился все за тем же единственным столом и, слегка изменив почерк, заполнил либелли на всех, не забыв при этом и себя с Иаковом. Дионисий, воспользовавшись такой возможностью, продиктовал ему еще несколько писем – их следовало раздать по дороге.

Укладываясь спать, Феофан лишь мельком удивился тому, что ввязался в это далеко небезопасное предприятие. Он не очень понимал, как это вышло, зато чувствовал себя неожиданно взрослым.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Иаков разбудил Феофана часа через два после полуночи. В соседнем доме на месте очага уже был разведен маленький костерок, на котором Дионисий грел для них воду в котелке. Они наскоро съели по лепешке и двинулись в путь. Пока было темно, шли медленно, время от времени спотыкаясь на еле различимой дороге. Наконец, Иаков остановился около какого-то камня, и предложил передохнуть до рассвета:

– Так недолго и нос расшибить, а на кого мы будем тогда похожи?

– Мы и так похожи на деревенских забулдыг, возвращающихся со знатной попойки. Говорят, в Риме есть отряд вигилов, специально чтобы их отлавливать...

– Ну, до Рима мы дойдем еще не этим утром, если вообще дойдем. Ладно, пошли, пока не жарко.

В Фаум они, однако, пришли, когда солнце уже клонилось к западу: их задержали четверо солдат, которым непременно нужно было выяснить, что делали эти двое на дороге

в необитаемую, по их сведениям, Амессу. Солдаты долго требовали объяснений, так что Иаков уже было начал рыться в поисках пары монет, но Феофан, к его удивлению, заявил:

– Ладно, так и быть, скажу. В десяти милях к югу от Амессы есть древний храм превеличайшего Гермеса; все торговцы и ремесленники стараются хоть раз в жизни посетить его, чтобы добиться успеха в своих начинаниях.

– А, так вы торговцы... И чем же вы торгуете? – спросил их один из солдат.

– Пока ничем, – отозвался Иаков, – но мы собираемся идти к берегам Пунта, за жемчугом. Там он самый лучший...

– Поскольку нам понадобится кредит, мы решили сходить к Гермесу, – добавил Феофан. – Вы, кстати, не хотите войти в долю?

– Оставь их, Карра, – вмешался другой солдат. – Еще неизвестно, кто кого обдурит...

– О чем вы говорите, мы – честные торговцы!

– А мы – мирные солдаты. Не будем же мешать другу другу... Между прочим, а солдатам этот ваш Гермес не помогает?

Феофан перепугался, а Иаков холодно ответил:

– В позапрошлом году один центурион ходил туда с моим приятелем... Потом он погиб, единственный из всего манипула.

– Да, – добавил Феофан, – Гермес не любит солдат, вам лучше идти к фиванскому Амону.

Когда они отошли на приличное расстояние, Иаков спросил:

- А почему к Амону?
- Потому что Фивы от Амессы прямо в противоположную сторону.

* * *

Уже знакомая Феофану харчевня «Красный ибис» была переполнена, так что им с Иаковом пришлось устроиться почти у самого входа. Эрисфен был удивлен появлением Иакова; еще больше недоумевал он, увидев их с Феофаном вместе. Быстро подойдя к ним, он прошептал:

– Иаков, ты в своем уме? Витрувий еще вчера искал тебя по всему городу! Он надеялся казнить тебя и говорил что-то про триста сестерциев... Не мои, те, которые ты ему одолжил в прошлом году; мои-то уже ждут тебя.

– Я за ними и пришел. Или ты думал, что меня заставила вернуться сюда сердечная склонность к твоей стряпне? Неси деньги – сегодня в ночь мы уйдем. И поесть, кстати, тоже принеси.

Эрисфен принес и то и другое. Он поставил на стол две миски с бобовой похлебкой, положил лепешки и вяленое мясо. Потом присел рядом с Иаковом, отгородив его от остальных посетителей спиной и весьма внушительным пузом, и под столом, чтобы никто не видел, передал ему мешочек с деньгами. Иаков взвесил его на руке и сказал:

– Приятно в наше время иметь дело с честным человеком.

И тут в харчевню вбежал Витрувий. Он плюхнулся за второй стол, спиной к Феофану с Иаковом, и завопил:

– Эрисфен, старый плут, где тебя Серапис носит? Я с ног сбил, разыскивая бунтовщиков, а ты занят какой-то ерундой! Хлеба, вина, мяса! Быстро!

Эрисфен вскочил, подбежал к Витрувию и, подражая его командирскому голосу, закричал хлопотавшему около очага рабу:

– Гампа, ты слышал приказ центуриона?! Быстро, хлеба, вина, мяса, вина, быстро... и вина! Вечно эти нубийцы спят на ходу! Вина, вина и быстро! Центурион устал и желает есть!

Измученный раб застыл на месте, не зная, то ли продолжать мешать похлебку, то ли бежать исполнять приказ. Эрисфен услужливо нагнулся к Витрувию и зашептал:

– Сейчас, сейчас, я все принесу, тебе пальмового или виноградного?

– И того и другого! Начнем с пальмового, и побольше. Сейчас придут мои солдаты, так что приготовь сразу и на них, их будет пятеро.

Эрисфен убежал вглубь харчевни, а в распахнутую дверь один за другим ввалились пятеро запыленных солдат. Кое-кто из посетителей предпочел сдвинуться плотнее, а двое и вовсе ушли, так что солдаты расселись вокруг Витрувия. Феофан окаменел, глядя в одну точку прямо перед собой; Иаков, и без того маленький, совсем сжался, пытаясь спрятать лицо за кувшином. Достаточно было Витрувию обернуться, и их путешествие могло кончиться, так толком и не начавшись.

Тут снова появился Эрисфен, за которым шествовали нубиец и еще два раба в мешковатых хитонах. В руках у рабов были миски, ложки, котелки и немаленькие глиняные кружки. Эрисфен нес здоровенный кувшин вина; мельком взглянув на Иакова, он незаметно подмигнул ему. Эрисфен и его рабы встали как раз за спиной Витрувия, между двумя столами, загородив Иакова с Феофаном. Эрисфен быстро разлил вино по кружкам, приговаривая:

– Вот доброе пальмовое вино, оно особенное, ничто так не утоляет жажду на краю пустыни, как хороший глоток пальмового вина! Ну, за успех! Да здравствует Цезарь!

– В Египте уже тысячу лет назад изобрели стекло, а ты наливаешь нам в кружки, – так-то ты чтишь императорскую гвардию! – заметил один из солдат.

– Ни один стеклянный кубок, мой друг, не достаточно вместителен, чтобы заполнить желудок усталого солдата, по себе знаю! Пейте, пейте, а то еда впрок не пойдет.

Рабы, расставив перед Витрувием и солдатами посуду и разложив еду, остались стоять на месте, прикрывая Иакова и Феофана. Витрувий все-таки один раз обернулся, и заметил:

– А ты чего тут торчишь, Гампа?

– Пусть стоит здесь, не часто к нам заходят такие почетные гости. Вдруг тебе что-то понадобится... – ответил Эрисфен и немедленно налил по второй.

И тут Витрувий скорчился и побледнел:

– Я... у меня есть дело... Я сейчас... – и убежал во двор.

Через секунду-другую следом за ним отправился еще один солдат, а потом – еще один. Трое оставшихся, покрытые каплями пота, устали в свои тарелки.

Эрисфен обернулся, взглянул на Феофана и Иакова, и сказал:

– Ну, вы поели? Пора, пожалуй, уходить – видите же, харчевня переполнена!

Повторять ему не пришлось: Феофан поднялся, загородил Иакова, и они вместе стали бочком пробираться к двери. Эрисфен, широко расставив руки, провожал их, шепча:

– Уходите скорее, не ночуйте здесь! Эти уже не опасны, но их в городе добрых два десятка. Не заходи домой, Иаков! Тебе хватит этих денег?

– Хватит, друг. Но только скажи мне, что здесь произошло?

– Да, ты что – отравил их? – прошептал Феофан.

– За кого ты меня принимаешь? Я влил в вино весь свой запас настойки из лучшей индийской ареки – Иаков мне ее и привез в прошлом году! Он – единственный человек в этой стране, который не берет проценты, когда дает в долг, так что я не мог позволить Витрувию схватить его. Все, уходите быстрее.

Когда они свернули за угол, Иаков привалился к стене и начал беззвучно хохотать:

– Ай... Эрисфен... ну придумал... Можно не спешить... Витрувий сегодня точно не опасен...

– Да в чем дело? – не понял Феофан.

– Ты что, не слышал? Настойка индийской ареки... Ой, не могу!

– Ну и что? Что такое арековая настойка?

– Что-что... Слабительное, каких мало... Пошли, а то они услышат наш смех.

Пришлось уходить из Фаюма и устраиваться на ночлег прямо в пустыне, милях в трех.

* * *

Рано утром – Иаков только успел помолиться – их нагнал идущий из Оксиринха караван. Три купца, один из которых был даже немного знаком с Иаковом, везли в Птолемаиду расписные горшки. С ними шли человек пять рабов; Иаков и Феофан присоединились к каравану, надеясь, что так их совсем никто не заметит. По дороге Феофан спросил Иакова:

– А что это Эрисфен говорил про займ без процентов? Ты в самом деле не берешь их?

– Нет, не беру.

– Почему? Все же берут...

– Написано: «серебра твоего не давай в рост». Это закон Моисея...

– Разве христиане его соблюдают?

– Не во всем, конечно. Но в этом – да; хотя, кажется, уже не все.

– М-да... И что тогда хорошего в том, чтобы быть христианином? Невыгодно получается...

– А ты у Эрисфена спроси...

– Он-то тут причем? Ну правда, что тебе за выгода?

– Да нет никакой выгоды, просто жизнь. Выгода, видишь ли, когда еще будет, а я... Я живу сейчас, и Эрисфен – мой друг. Я сейчас ему помог, а он нам с тобой помог – тоже сейчас. Вот и вся выгода.

– А что же тогда все только и говорят, что о подземном царстве Аида?

– Да пусть говорят, что хотят! Мало ли что... Подожди...

Иаков догнал возглавлявшего караван купца и предложил устроить небольшой привал.

– С чего бы вдруг? Только девятый час, рано еще отдыхать! Вон в той лощине и отдохнем – за ней уже начинается спуск к Нилу, так что к вечеру мы вполне можем добраться до переправы, а то и прямо до Мемфиса. Если, конечно, не будем останавливаться через каждые сто шагов...

– А ты не хочешь послать кого-нибудь посмотреть, что там – в лощине. Вид у нее какой-то подозрительный...

– Нечего там смотреть! Пошли!

Караван начал медленно спускаться в лощину, откуда дорога расходилась: на север – к Александрии – и на восток – к переправе и Мемфису. По мере того, как караван углублялся в нее, скалистые склоны придвигались все ближе; в самом низу стояли два здоровенных обелиска с вытесанными на них надписями и раскосыми физиономиями, возвещавшие о воцарении здесь каких-то забытых фараонов. Лощина здесь была не больше пяти шагов шириной; за «фараонами» дорога расширялась и круто поворачива-

ла на север. Едва путники миновали обелиски, из-за придорожных скал высунулись человек пять-шесть. Тощие, грязные, лохматые и оборванные, вид они имели самый что ни на есть разбойничий. Феофан с Иаковом обернулись – сзади, в самом узком месте, стояли еще четверо. Один из них, потолще и почище, видимо, – предводитель, поигрывая дубиной, сказал:

– Ну, вот вы и пришли!

* * *

– Если ты сейчас же не придумашь что-нибудь, мы пропали, – шепнул Феофан Иакову. – Ведь драться же придется!

В самом деле, купцы и их рабы сбились в кучу посреди дороги и приготавились защищаться; разбойники начали обступать караван широким полукругом. Иаков незаметно сунул письма Феофану и шепнул:

– Деньги оставим у меня, письма у тебя. Письма нужно сохранить! Если что, в Александрии найдешь на Фаросской улице мастерскую Амвросия, он тебе поможет.

Один из купцов сказал:

Мы так просто не сдадимся!

Разбойники молча приближались.

– Именем фараона Аменхотепа триста сорок второго повелеваю вам раскошелиться! – грозно заявил главный бандит. – Если кто не понял: деньги сюда, живо!

– Какие деньги, мы бедные купцы, у нас нет денег, мы возьем горшки на продажу в Мемфис! Если вы, добрые люди, подождете нашего возвращения, мы с удовольствием поделимся с вами!

– Совсем за дурака меня считаешь? – заорал атаман. – Не морочь мне голову, а то свою потеряешь! Хватайте их!

Разбойники нестройно завопили – слова, которые они выкрикивали, Феофану никогда не диктовали в школе – только однажды он слышал подобное от разгневанного префекта. Побросав дубины, они вцепились в волосы и одежду путников.

Ослы решили поучаствовать в развлечениях и принялись истошно вопить; на фоне противных разбойничьих голосов это звучало вполне уместно. Иаков вырвался из рук набросившегося на него разбойника, подбежал к ослам и открыл одну из висевших на них корзин. Выхватив оттуда изящную расписную вазу, он посмотрел на нее – ваза была покрыта изображениями неодетых девиц – и с видимым отвращением швырнул ее прямо перед собой.

Раздался грубый крик, и предводитель разбойников, пытавшийся скрутить Феофана, схватился за голову. Феофан немедленно сбил его с ног и последовал примеру Иакова. Осмелевшие купцы, в свою очередь, бросились на разбойников.

Спустя пару минут разбойники валялись на земле, потирая ушибленные места. Тяжело дыша, купцы и рабы столпились вокруг; вдруг один из них, Гелиодор, присел и схватил

черепок... Он тупо уставился на него, потом перевел взгляд на разбойников, на Иакова, снова на разбойников...

– Это же мои лучшие горшки! Я бы выручил за них кучу денег! Ты с ними заодно! – ни с того, ни с сего заключил он и набросился на Иакова.

Феофан обхватил его сзади и отбросил в сторону; тем временем на него самого накинулся очнувшийся разбойник... и тут с другой стороны дороги показался встречный караван.

– На помощь! – закричал Иаков.

– Прекратите драку! Рразойдись!

– Смываемся!

Разбойники разом повскакивали и метнулись к скалам; не добежав до них, они передумали и скрылись за поворотом. Вдруг откуда-то сзади вслед им просвистел еще один горшок; угодив прямо в изображение фараона, он с оглушительным треском разлетелся на мелкие кусочки. Оглянувшись, Феофан заметил, что один из рабов со скучающим видом поглаживает морду осла...

– Амвросий, как же я рад тебя видеть! – воскликнул Иаков.

* * *

Встречный караван насчитывал чуть не двадцать человек; возглавлял его немолодой полный человек с проседью в курчавой темной бороде. Его лысая голова была прикрыта длинным полосатым куском ткани – он был похож и на

греческий мафорий, и, благодаря кистям по краям, на иудейский таллит. Человек, которого Иаков назвал Амвросием, внимательно рассматривал встреченных им людей. Пальцы его при этом теребили края пояса, вышитого изображениями рыб и якорей; Феофан подумал, что тот, наверное, занимается морской торговлей.

– Как ты вовремя! – быстро, не давая ему сказать ни слова, проговорил Иаков. – А мы, видишь, с моим другом, шли по торговым делам, прибились к этому каравану, и вот – едва не попались!

Амвросий оставил свой пояс в покое и протянул руки Иакову:

– Все хорошо, что хорошо кончается! Мы вот видишь, тоже снялись с места... По торговым делам...

– А кто в мастерской остался? – так же быстро спросил Иаков.

– Всеми работами там теперь руководит некто Помпоний, если тебе это имя что-то говорит.

– Еще бы! Мы и сами путешествуем по помпониеву заказу... так-то, – ответил Иаков.

В продолжение этого разговора вокруг них вертелся, пытаясь вставить хоть слово, Гелиодор, тот самый купец, чьи горшки привели разбойников в такое замешательство. Наконец, улучив возможность, он набросился на Иакова:

– Ты! Это были мои прекрасные горшки! Лучшие художники Фаюма и Оксиринха трудились над их росписью! Я мог бы продать их за сорок сестерциев каждый! Ты меня разорил! Что за манера кидаться чужими горшками...

– Иаков, что ты сделал с его горшками, что он так огорчился?

– Я перекидал их в разбойников, только и всего!

– Лучше бы ты взял горшки Клеанфа! Это... Это произведения искусства! – не унимался Гелиодор.

– Слушай, они все равно достались бы разбойникам, не битые, так целые! – ответил Иаков.

Амвросий поднял черепок, рассмотрел его со всех сторон, скривился, и спросил Гелиодора:

– Ты это называешь произведениями искусства? Знаешь, таким искусством украшены все заборы в портовом квартале... Кто станет платить за это деньги? Думаю, Иаков нашел им лучшее применение...

– Что вы понимаете в искусстве! Мне обещали за них восемьсот сестерциев! Из-за таких, как вы, гибнет великая культура!

– Если это она и есть, то пусть гибнет! – упрямо заявил Амвросий.

При этих словах осел Гелиодора взбрыкнул; навьюченные корзины опрокинулись, и последние горшки покатались по камням вниз по дороге. Гелиодор погнался за ними, пытаясь спасти хоть что-нибудь. Нагнав последний горшок, он бросился на него, как пантера на кролика, растянулся на земле, перевернулся на спину и поднял горшок на вытянутых руках. Но удержать его Гелиодор не смог: горшок, как живой, подпрыгнул, – несчастный торговец попытался снова схватить его – горшок снова выскользнул и рухнул Гелиодору на голову, расколовшись пополам.

– Хорошо, голова оказалась крепче! – не удержался от улыбки Феофан.

Гелиодор медленно поднялся, оглядел осколки своего товара, а потом сел на землю и разрыдался:

– О, боги! Чем я буду кормить детей!

Наблюдавшие за ним люди перестали смеяться и смущенно отвели глаза. Неловкое молчание нарушил только Иаков:

– У меня нет восьмисот сестерциев, я могу отдать тебе только двести. На, возьми... – Иаков принялся считать серебро.

Когда он досчитал до сотни, его остановил Амвросий:

– Оставь себе на дорогу! Вот, возьми еще двести, – обрattился он к ничего не понимающему Гелиодору.

– И прости меня за эти горшки... Я думал, нам всем пришел конец, и вот, видишь... – тихо добавил Иаков.

– Знаешь, лучше тебе не идти с нами, – задумчиво сказал Иакову старший из купцов, и все они заторопились уйти из опасной лощины.

Амвросий со своим караваном устроили привал, пригласив Иакова с Феофаном присоединиться к ним. Торговцы горшками уходили в сторону Нила. Последним шел Гелиодор; несколько раз он оборачивался, и, наконец, подбежал к Амвросию и Иакову:

– Честно говоря, я хотел выручить только двести. Ты спас нас всех, Иаков, а я на тебя набросился... Прости, я не возьму твоих денег...

– Возьми все же мои двести, так будет правильно – и будь человеком! – воскликнул, прощаясь с ним, Амвросий.

Феофан, в отличие от Иакова и Амвросия, еще не мог успокоиться:

– Если бы не Иаков, они нас всех бы ограбили, а то и в рабство продали! За что ты отдал ему деньги, Амвросий?

– Ни за что! Просто у него дети, и они хотят есть.

– Ну тогда было бы справедливо всем собрать ему деньги!

– Нельзя требовать справедливости от других – только от себя. Так действует Бог.

Тем временем несколько девушек из каравана Амвросия расстелили на земле длинный кусок полотна, расставили на нем кружки, разложили лепешки и вяленую рыбу... Одна из них, перехватив взгляд Феофана, сказала ему:

– Ты, наверное, хотел бы видеть трапезу получше, господин?

– Не знаю... Ваш караван выглядит так солидно... Столько корзин...

Девушка промолчала, и Феофан понял, что расспрашивать про корзины и их содержимое было бы нежелательно. Он оглянулся в поисках Иакова, и увидел, что тот тихо перешептывается с Амвросием.

Амвросий громко сказал:

– Братья мои, еда готова, поблагодарим Бога!

Пока все собирались вокруг полотна, Иаков отвел Феофана в сторону и сказал:

– Извини, я должен на всякий случай спросить тебя: ты будешь очень возмущаться, если тебя посадят за один стол с рабами?

– Конечно, буду! Я римский гражданин и рожден свободным... за один стол с рабами, скажешь тоже... Куда это годится! – тут Феофан, похоже, начал догадываться. – Постой, в чем дело? Я вижу только один стол, если можно так назвать эту тряпку! Я тебя правильно понял?

– Думаю, правильно. Примерно половина в караване Амвросия – рабы; главным образом – его. Одна девушка – та, с которой ты разговаривал – вроде как моя рабыня, а вон те два близнеца числятся рабами Руфина. И мы все намерены рассестся вокруг этого полотна и поесть. Ты можешь сесть вон на том высоком камне, как подобает римскому гражданину. Давай, я принесу тебе твою лепешку... Тебе что налить, воды или пальмового вина?

– Ты еще будешь мне прислуживать, когда тут есть твои собственные рабы! Что за нелепость! Прикажи ей...

– Извини, Феофан, я не буду этого делать. Если тебе так хочется, можешь сам Тивеллу попросить; приказывать моим рабам я тебе не разрешу. Учти, если ты решишь остаться голодным, тебя не будут ни заставлять, ни упрашивать...

Между тем Амвросий поднял руки к небу и тихо запел:

– Благословен, Ты, Господи Боже наш, Царь Вселенной, изводящий хлеб из земли. Благодарим Тебя, Отче, за все, что Ты дал нам через Иисуса Христа, Твоего Сына. Будем есть и славить Бога.

Феофан до последней секунды надеялся, что это какая-нибудь шутка, очередная выходка Иакова... Но они и впрямь сели все вместе – мужчины с одного края, женщины – с другого, и начали есть. Иаков сел справа от Амвросия, а рядом с ним – один из рабов Руфина; слева от Амвросия оставалось свободное место, но с другой-то стороны от него сидел второй раб Руфина! Амвросий, заметив колебания Феофана, негромко сказал ему:

– Тебя кроме Бога никто не увидит! Цензоров здесь нет.

И Феофан решился. Осторожно, словно по раскаленным углям, он подошел к Амвросию, помедлил, как ловец жемчуга перед погружением, и, наконец, уселся, стараясь держаться прямо – словно меч проглотил. Раб, сидевший слева от Феофана, протянул ему лепешку:

– Бери, а то не достанется...

Феофан встретился с ним глазами; раб так и сидел, держа лепешку в вытянутой руке.

– Спасибо... Как тебя зовут?

– Элеазар.

– Ты иудей?

– По рождению – да... Мои предки были левитами в Иерусалимском Храме...

Феофан вспомнил соседей отца, которые никогда не переступали порога их дома и держали особую посуду для эллинов:

– Слушай, Элеазар, как же ты сел есть рядом со мной? Я же для тебя эллин – хотя на самом деле мой дед латин из Италии...

– Вообще-то это ты сел есть рядом со мной, господин!
– Можно подумать, у меня был выход! Ты христианин?

– Да.

– И вы всегда садитесь за стол вместе с ра... Извини...

– Ничего. На самом деле дома, если к Руфину приходят гости – не братья – мы держимся поодаль... А с братьями – да, вместе. Один и тот же Бог сотворил нас всех...

– Ну, знаешь! Почему же ты – раб, а я – свободный?

– Потому что люди не во всем послушны Богу. Других причин нет.

– Ты не пытался освободиться?

– Зачем? Я свободен – здесь, среди братьев.

– Слышал бы тебя Руфин...

– Он слышал.

– Что же он не отпустил тебя?

– Если он меня отпустит, я должен буду платить налоги и приносить жертвы. А так... Я работаю у Амвросия, а власти меня в упор не видят – и не надо. Если будет нужно, Руфин меня отпустит... Налить тебе вина?

– Я сам... А тебе налить?

– Что это с тобой? – Элеазар посмотрел на Феофана с неподдельным изумлением, но кружку все-таки протянул.

Феофан налил пальмового вина себе, потом Элеазару, поставил кувшин и посмотрел вокруг:

– Я хотел узнать, не рухнут ли небеса на землю, если свободный римлянин нальет вина рабу...

– Ему сам Дионисий ноги в позапрошлом году умывал, и ничего... – заметил с любопытством поглядывавший на них Иаков.

– Что-что? Ты сказал – ноги... что?

– Ну, у нас есть такой обычай... Иисус перед смертью умыл ноги ученикам, и сказал, что тот, кто будет среди них первым, должен быть всем слугой. Чтобы не забыть об этом, епископ раз в год перед Пасхой в присутствии всех христиан Александрии умывает ноги двенадцати братьям: старейшине, служителю, свободному, вольноотпущеннику, семи рабам и ребенку. В позапрошлом году одним из рабов был Элеазар. Так что если небеса и рухнут, то не оттого, что ты нальешь ему вина...

* * *

После трапезы Амвросий, поблагодарив Бога, – Феофан начал уже привыкать к тому, что христиане делают это на каждом шагу, – отозвал Иакова в сторону, предоставив остальным собираться в путь. Феофана он жестом пригласил присоединиться к ним.

– Я не хочу останавливаться на ночлег здесь: и разбойники могут вернуться, и вигилы это место знают... Мы пройдем хоть немного дальше. Как ты думаешь, Иаков, Дионисий останется в Амессе?

– Скорее всего. По крайней мере, в ближайшее время.

– У него есть... – Амвросий помолчал, – у него есть то, что мы везем?

– У него есть свиток Гая из Фаюма.

– Хорошо, тогда мы свернем в другую сторону. Ладно, разговор не о нас. Вы ведь не просто бежите от гонения, я правильно понял?

– Да, мы идем в Кесарию по делу, и тебе это будет небезразлично: мы несем письмо Дионисия Оригену.

– Жив Господь, Бог Израилев!

– Ты о чем? – удивился Феофан.

– Во-первых, я еще надеюсь, что Ориген и александрийские христиане помирятся. Собственно, дело за Дионисием... С Иераклом ему было непросто... Дионисий зовет его сюда?

– Как ты догадался? – ответил вопросом на вопрос Феофан.

– В Египте есть пустыня, где можно спрятать хоть тысячу Оригенов, если бы, конечно, у Бога нашлась тысяча таких людей... – ответил Иаков. – А что во-вторых?

– Во-вторых, – сказал Амвросий, – я увожу в пустыню самое нужное из моей мастерской и из библиотеки александрийского собрания. Дионисий еще зимой распорядился доставить эти свитки в мою мастерскую: он сказал, что там, среди всего остального, вигилам их будет труднее найти, и велел унести их в случае чего... Вот этот случай и приключился...

– Так ты и есть издатель Амвросий с Фаросской улицы? Когда на нас напали эти разбойники, Иаков советовал мне

обратиться к тебе за помощью... Ты, оказывается, тоже... Кто бы мог подумать! Значит, мы переписывали эдикт Цезаря на папирусе, купленном у христиан!

– Вообще-то мы выделяли его для более благородных целей, а этот дурацкий эдикт лучше было бы вовсе не переписывать... Этот папирус был предназначен для гомилий Оригена, но пришлось отдать его... Что ж, на деньги префекта Сабина мы купили двух лишних ослов, чтобы увезти всю библиотеку – иначе нам нужно было бы выбирать между Оригеном и Филоном – в смысле, между свитками их трудов. Хотя я, конечно, выбрал бы Оригена...

– Почему?

– Во-первых, потому что я у него учился, а во-вторых, потому что издание его трудов давало кое-какой доход.

– Так ты хорошо его знаешь? – заинтересовался Феофан.

– Да, конечно. Двадцать лет назад я пришел к нему, чтобы наставить его в учении... сейчас уже неважно... А вместо этого стал его учеником...

– Расскажи!

Амвросий уселся поудобнее:

– Это были чудные времена! Я был молод, я хотел доискаться до истины, познать саму Вечность! Мне казалось, что мне не хватает знания, которое есть у кого-то другого, и стоит только овладеть им, я стану... Сам теперь не знаю, кем я хотел стать... Просто жить мне казалось слишком мелким, надо было непременно быть великим, повелевать людьми

и богами. Я думал, что если я познаю тайны незримого, то мир будет лежать у моих ног...

– И что? Не молчи...

– Я вывалил на Оригена сразу кучу вопросов, я хотел подловить его и заставить признать, что я... умнее, наверно. Готов был спорить с ним до бесконечности... А он сказал, что неважно, познал ли я вечность, важно, что вечность познала меня. И рассказал мне об Иисусе...

– И ты поверил?

– Нет... Я стал превозносить эллинскую мудрость, поведающую незримым, спорить с Оригеном...

– Могу себе представить! – усмехнулся Иаков.

– Ну да, – продолжил Амвросий, – я же не понимал, с кем схватился. Оказалось, что в эллинской мудрости он сведущ так, как мне и не снилось. Я знал кое-что, главным образом понаслышке, – а он все это читал! И я пошел в его училище...

– И поверил?

– В училище? Тоже нет, все так же спорил. Однажды Оригену было ужасно некогда... Он был нездоров – тогда во всей Дельте свирепствовала лихорадка, а он должен был подготовиться к занятиям и что-то еще написать для епископа... Он сидел за столом и рылся в бесчисленных свитках... А я, по обыкновению, принялся донимать его вопросами. В тот раз я хотел узнать, что такое Логос мира, и почему Ориген говорит о воплощенном Логосе, и как это может быть... А ему было так некогда, что он вдруг повернулся и сказал: «Что ты все ко мне пристаешь? Тебе инте-

ресно, сам и спроси! Единственное знание, которого тебе недостает, это знание о том, кому надо задавать вопросы». Я переспросил: «И кому же?», а он сказал: «Иисусу». Я обиделся, ушел, вышел на берег моря, посмотрел в небо и спросил.

– Как это? – не понял Феофан.

– Да так и спросил! «Иисус! – говорю. – Ориген сказал, что про Логос мира надо спрашивать у Тебя. Как найти Логос?»

– Так и сказал? – улыбнулся Иаков.

– Ну да!

– И что Иисус? Ответил?

– Нет, Он промолчал. Но я понял, что это Он промолчал! И я осознал, что задаю дурацкие вопросы распятому человеку. Мне стало так стыдно... В Его молчании был ответ: Он молчал с креста. Нет, не могу объяснить... И я вернулся, и стал помогать Оригену переписывать то, что он писал.

– Ты тоже писец?

– Ну да... А потом все дело разрослось, и вот теперь у меня целая мастерская. Иной раз я приставлял к Оригену по семь писцов, чтобы они успевали за ним, сменяя друг друга. И я нанял восемь девушек, умеющих красиво писать... А теперь все пошло прахом, и нужно будет начинать сначала, если мы выживем.

– Как ты можешь так спокойно говорить об этом!

– Даже если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня. Взойду ли на небо – Ты там; сойду ли в преисподнюю – и там Ты.

– Долиной смертной тени... Ты шел вдоль реки? Там можно пройти? – перевел разговор Иаков.

– Я бы не рискнул. Мы добрались сюда только потому, что устлали путь золотом... Слушайте, я хочу попросить вас отвезти Оригену заодно и мое письмо – я сейчас напишу его; кроме того, он просил меня достать для него один трактат Марка Аврелия. Я еле отыскал его: хранители Александрийской библиотеки дали мне на прочтение всего один день, так что пришлось сначала Елеазару прямо в библиотеке переписать его скорописью, а потом Тивелла сделала два нормальных экземпляра... Отнесите один Оригену, если сможете. Кроме того, три дня назад я выпустил еще двести экземпляров его гомилий – большую часть уже разослали в разные города, – отнесите ему в подарок один экземпляр. Теперь вот еще...

– Ты, наконец, нашел способ облегчить труд своим ослам? Эдак ты нам всю библиотеку сплывишь... – остановил его Иаков.

– Здесь восемьсот шестнадцать свитков! Теперь, впрочем, восемьсот четырнадцать... Хорошо, хорошо, отнесите только эти два и письмо. Как вы будете переправляться? Я бы не советовал идти на север, лучше – на северо-восток к Пунту, а там либо вдоль моря, либо найдете корабль до Ецион-Гавера...

– Пожалуй, мы переправимся где-нибудь поблизости... Как ты думаешь, мы сможем заночевать в Телль-Хамири?

– Если дойдете туда до полуночи... Думаю, вы успеете – сейчас, я быстро напишу письмо...

– Хочешь, продиктуй мне – я пишу быстро, – предложил Феофан.

– Ты сколько служишь писцом – год, два?

– Год.

– А я занимаюсь этим ремеслом тридцать лет... Кроме того, Ориген знает мой почерк.

Амвросий достал из своего мешка небольшую доску, кусок папируса, стило и краску, пристроился на каком-то камне и с невероятной (даже для Феофана) скоростью, без помарок, исписал две стороны папирусного листка и свернул его. Тем временем Элеазар принес два довольно внушительных свитка... Феофану очень хотелось развернуть их – ему нравилось рассматривать работу других писцов, но времени на это уже не оставалось. Караван Амвросия был готов выступить, да и им с Иаковом, похоже, следовало поторапливаться, чтобы успеть заночевать в неведомом Телль-Хаамири – Феофан никогда не слышал об этом месте. В последнюю минуту Амвросий вдруг спросил:

– А вы знаете дорогу от Телль-Хаамири? Та, что идет вдоль Нила к Пи-Рамзесу, полна вигилов! Лучше идти через Но-Амон.

– Я никогда не ходил там... А ты, Феофан?

– Тоже нет, я вообще первый раз ушел из Александрии. Я добирался из Кесарии морем...

– Постарайтесь держаться ближе к востоку... Только не попадите в каменоломни! Ну, все, пора прощаться. Благослови нас, Иаков!

Амвросий и его спутники опустились на колени, а Иаков простер над ними руки («как Дионисий на литургии», – вспомнил Феофан) и произнес:

– Да благословит вас Господь и сохранит вас! Да призрит на вас Господь светлым лицом Своим и помилует вас! Да обратит Господь лице Свое на вас и даст вам мир!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Двумя днями позже, к вечеру, когда тени уже начали заметно удлиняться, Иаков с Феофаном достигли Нила. Там, где дорога подходила к берегу, располагался Но-Амон, небольшой городок с пристанью и знаменитыми храмами. Путники, приготовив на случай встречи с вигилами или солдатами либелли, быстро прошли через городок к реке.

У пристани стояли корабли, – один военный и несколько торговых, но Иаков предпочел пройти мимо пристани прямо к берегу, где десятками сгрудились лодки поменьше. Прямо на берегу, на каменном помосте стоял низкий длинный сарай, оказавшийся харчевней, в которой и проводили свое время лодочники. Войдя внутрь, Иаков обратился к хозяину:

– Мне надо перебраться на тот берег. Ты не знаешь, кто мог бы перевезти меня? Со мной еще один человек...

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас.

– И куда вы денетесь на том берегу на ночь глядя? Может быть, заночуете у меня? Комната стоит всего динарий...

– Меня ждут на том берегу, мы должны соединиться с караваном... Нет, мы не останемся ночевать...

– Ты хочешь барку – это стоит сестерций – или простую лодку за два динария?

– Я хочу лодку, которая отплывет прямо сейчас и не будет тащиться туда двое суток.

– Канеф, подойди сюда! – обратился хозяин харчевни к темнокожему, почти черному юноше.

Тем временем оставшийся снаружи Феофан наблюдал прибытие еще одного корабля. Построенный из лучшего ливанского леса, он был раскрашен в желтые и красные цвета, на парусе распростер крылья имперский орел, а среди мелькающих рук и спин гребцов (ветер был очень слаб) Феофан заметил блеск панцирей... Из расположенного прямо на пристани таможенного поста к кораблю быстро шел – даже почти бежал – какой-то человек, на ходу застегивавший перевязь с мечом. Корабль медленно подошел к пристани, черные рабы пододвинули к борту лестницу, и на пристань нетвердой походкой сошел высокий человек, чья тощая фигура показалась Феофану очень знакомой.

«Ба, да это же Помпоний собственной персоной! Вот принес Серапис!» – подумал Феофан, и нырнул в харчевню.

– Мы сегодня куда-нибудь поплывем? – нетерпеливо спросил он Иакова.

– Один парень – его зовут Канеф – согласился перевезти нас за сестерций. Иди на берег, я хочу купить еды.

Феофан наклонился к плечу Иакова и шепотом сообщил ему о прибытии Помпония.

– Ладно, разживемся едой на месте... – и оба направились вслед за Канефом прямо к берегу.

* * *

Если бы Феофан не скрылся от Помпония в харчевне, он увидел бы, что с корабля на пристань Но-Амона спустился еще один человек. Он был одет в расшитый золотом хитон, на плечах его висел плащ столь темного красного цвета, что издалека его можно было принять за пурпур. Перед ним, словно ликторы, шли два вооруженных солдата, а сзади шествовали два раба-нубийца с опахалами из страусовых перьев. Полнеющая фигура, степенная походка и важная осанка соответствовали торжественности шествия; это был прокуратор финансов Египта Фульвий Макриан. Официально он инспектировал хлебные склады и армейские арсеналы; на самом деле он приехал, чтобы поучаствовать в ежегодном празднике Амона. Следом за Макрианом на берег высадился и привезенный им отряд вигилов, которым надлежало очистить Но-Амон от христиан, если таковые в нем обнаружатся.

Феофан краем глаза увидел, что несколько вигилов проворно направились к лодкам... Путь был отрезан. Он переглянулся с Иаковом; подбежавший Канеф сообщил им, что Макриан приказал забрать все лодки для флотилии, которая будет завтра сопровождать корабль Амона. Огорченные, они скрылись за углом харчевни.

– Переночуем здесь? – предложил Иаков.

– Если Помпоний меня увидит, нам придется объяснять ему, как я здесь оказался и что за свитки я несу. Может,ждемся темноты и уйдем на север?

– Ты слышал, что сказал Амвросий? Там можно пройти, только устилая путь золотом... Давай-ка помолимся...

– Надо действовать, искать выход, а ты... Молись, если хочешь! – возмутился Феофан.

– Иисус сказал: «Если двое согласятся просить об одном, дано будет им», – спокойно ответил Иаков. – Повернись на восток. Это нетрудно.

Феофан повернулся на восток и, не давая Иакову вставить слово, быстро проговорил:

– Иисус, если Ты и в самом деле так сказал, то вот, смотри: мы с Иаковым согласны в том, что нам срочно нужно на тот берег.

– Но да будет воля Твоя, – добавил Иаков.

В этот самый миг из-за угла вышел солдат и спросил:

– Это вам нужно было на тот берег?

– Да, – ответил Феофан. – А что?

– Прокуратор Макриан распорядился забрать все лодки для завтрашнего праздника. Но я сейчас отправляюсь на тот берег, чтобы собрать лодки и там. Если хотите, возьму вас с собой – а вы заплатите лодочнику. Два сестерция. И мне один.

– Идет, – хором ответили Феофан и Иаков и двинулись вслед за солдатом.

Солдат выбрал вместительную лодку, Феофан с Иаковом в мгновение ока погрузились в нее и меньше, чем че-

рез час, оказались на другом берегу Нила. Расплатившись, они двинулись по узкой дороге, уходившей на восток среди множества возделанных участков...

* * *

Только когда они миновали долину, поднялись и оглянулись на Но-Амон, Феофан решил заговорить:

– Между прочим, мы сами не поняли, какая опасность нам грозила. Во всем Египте нет никого, кто ненавидел бы вас больше, чем Фульвий Макриан. Он и без всякого эдикта по собственной воле разыскивал христиан и предавал суду... Говорят, жрецы Амона посвятили его в какую-то степень...

– Что, конкуренции боится?

– Наверно... Ладно, а теперь объясни, как ты это устроил.

– Ты о чем?

– Об этом солдате, конечно. Как вышло, что он сам вызвался перевезти нас, да еще так вовремя?

– Да я-то почему знаю? Ты же молился...

– Но я не слышал ответа...

– А что, по-твоему, это было? Скорее всего, когда он приказал привязать лодки, Канеф сказал ему, что мы хотели переправиться. А солдат оказался нормальным человеком. Но если бы мы не молились, все могло обернуться по-другому.

– Как-то неубедительно. Хотя впечатляет... А Иисус всегда так отвечает?

– Нет. Иногда у Него... Его домостроительство не всегда доступно человеку. Иногда Он делает не так, как мы хотим. В конце концов, это Он – Господь, а не мы с тобой.

Когда солнце совсем утонуло в пустыне на левом берегу Нила и тени шагающих Иакова и Феофана растворились в обступившем полумраке, впереди на холме показалось поселение. Оно было окружено белой стеной – серой, конечно, в сумерках, – подсвеченной сверху горящими факелами. Это и был Телль-Хаамири.

У самых ворот Иаков сказал:

– Ты когда-нибудь видел мистов? Или жриц Астарты?

– Ну видел, а что?

– Боюсь, здешние жители не будут слишком радушны к христианам. Веди себя, пожалуй, как мист...

– Я же трезвый!

– Вот незадача, – рассмеялся Иаков. – Ну все равно, постарайся говорить глубокомысленно и невпопад.

– Да что говорить-то? Может, я буду глухонемым мистом? Жрицей Астарты я все равно не смогу притвориться... И вообще, зачем мы тогда сюда идем?

– Здесь при всем том безопасно: никто не будет искать нас здесь. Да и миновать это место не вышло бы. Ладно, жрица глухонемой Астарты, хотя бы ничему не удивляйся и молчи о том, кто мы и куда идем.

Ворота Телль-Хаамири закрылись почти сразу после того, как Феофан и Иаков вошли в них; они оказались на небольшой площади, окруженной выбеленными домами. Прямо напротив ворот стояло огромное, выше человеческого роста, изображение буйвола. Справа и слева от него вглубь поселения уходили две улицы, терявшиеся во тьме. Перед буйволом прямо на земле был выложен небольшой очаг, огонь в котором поддерживали две одетые в черное женщины. Время от времени они бросали на угли, кроме хвороста, букеты цветов и сыпали какой-то порошок, оглашая площадь нестройными восклицаниями. Чуть ближе к воротам сидели несколько мужчин, двое из которых были вооружены мечами, а один – длинной дубиной, которая при случае могла сойти за посох. Площадь была освещена факелами, вставленными в крепления на стенах домой, и горевшим перед мужчинами костром.

Обладатель дубины, закутанный в серый плащ софиста и носивший белый тюрбан, отделился от остальных и, тяжело опираясь на нее, как на посох, приблизился к пришедшим и произнес нараспев:

– О путники, чей приход принес завершение этому дню, вы пришли на наш праздник света как вестники ночи. Кто вы и что хотите принести нам?

– Мы хотим всего лишь переночевать и поесть...

– Шестьдесят пять сестерциев, налево за буйвола, только принесите всесожжение. Без всесожжения четыреста

семьдесят сестерциев, – дубиноносец резко перешел на обычную речь.

– Ловко, – изумился Феофан. – Однако вестникам ночи не пристало приносить жертвы в ночи. Звезды Нубии взирают с небес на зеленеющие склоны Загроса, и испанская олива расцветает индийским золотом, а вестники ночи безмолвно несут свое бремя.

– Ты сам-то понял, что сказал? – шепнул ему Иаков.

– Ты же сам велел гнать песчаную бурю! – так же шепотом ответил Феофан.

Страж (надо полагать, это был именно страж) поднял свою дубину прямо над головой...

– Ты правильно указал на звезду Герифраста, сама все-ленная вразумила тебя относительно нас! – воскликнул Феофан.

– Кто такой Герифраст? – не поняли его ни страж, ни Иаков.

– Не такой, а такая. Звезда так называется: Герифраста, обнесенная старым забором. От века и до века свет ее удержан от непосвященных, но открыт тем, кто знает тайну неба, моря и великих черных кротов.

– При чем здесь кроты? Лучше бы ты был глухонемым мистом, – пробормотал Иаков. – Э, ты что?

Феофан схватил дубиноносца за тюрбан и оторвал от него изрядный кусок; подбежав к статуе, он бросил его в огонь и завопил:

– О великий Фриктопюги, о тебе все наши мысли, и мы приносим их тебе в жертву!

– А еще врал, что трезвый... – прошептал ему Иаков, хватая его за руку.

Феофан вырвался, схватил в охапку одну из присевших у статуи женщин, поднял над очагом и сказал:

– Ты готова слиться с вечным Фриктопюги? Ветер пустыни унесет тебя к звездам!

Дубиноносец решил, что пора вмешаться:

– Великая жертва принесена, и духи подземного царства... насытились моим тюрбаном, который стоил три сестерция! Праздник света направо за буйвола, бесплатно... то есть еще два сестерция.

Феофан еще немного подержал женщину над очагом, потом положил ее на землю рядом с ним, и сказал:

– Пять сестерциев! Плата, которую отдал Гефест пророку Элксаю за просмотр его коллекции семян бессмертия! Заплати ему, смертный!

Иаков поспешно отдал деньги и, едва не сгибаясь от душившего его хохота, потянул Феофана в темный проход «направо за буйвола». Упирившийся Феофан еще успел обернуться и крикнуть:

– Запо-о-мни же, Герифраста светит по пя-а-а-тницам!

– Заткнись, ты и так уже почти создал новую секту... – и Иаков зажал ему рот ладонью.

Узкий неосвещенный проход между домами, по которому двинулись Иаков и Феофан, привел их к круглой площади, амфитеатром спускавшейся по противоположной стороне холма. Внизу, прямо перед ними, располагалась широкая сцена, обрамленная по краям колоннами. На колоннах были укреплены подставки, снабженные бронзовыми зеркалами: благодаря им десяток факелов ярко освещал сцену. Перед сценой на площади сидели и стояли люди – сотни две-три. Противоположная от сцены часть площади была окружена домами с побеленными стенами; на них тоже повсюду горели факелы.

Средняя часть сцены была приподнята на три ступени, каждая из которых была устлана коврами. На нижней ступени ковер был заткан темно-красным, на средней – серебром, а на верхней ступени – золотом. В середине возвышения стоял непомерной высоты трон, взобраться на который можно было только с помощью приставленной к нему табуретки. Вокруг возвышения были расставлены плоские миски, в которых плавали цветки лотоса.

– Ничего себе! – шепнул Феофан. – Они что, Цезаря здесь ждут?

– Нет, не Цезаря... Скоро увидишь... Нам придется провести здесь немало времени, зато под утро мы уйдем, не вызывая подозрений.

– У кого?

– У вигилов! Ты разве не знал, что все дороги от Нила на восток охраняются? Но обычно, когда Геркулиан проводит здесь празднества, вигилы не интересуются расходящейся толпой...

– Кто такой Геркулиан?

– Ну, такой... Коротко говоря, приятель Глоксена из Фив... Скоро увидишь.

Иаков и Феофан углубились в толпу в центре площади, где было потемнее, и постарались затеряться.

Собравшиеся были одеты в одинаковые белые хламиды, на головах у них болтались венки из пожухших полевых цветов. Время от времени кто-нибудь слишком сильно встряхивал головой, и из венка во все стороны начинали сыпаться травинки и сморщенные засохшие листья. В довершение всего вокруг многих венков вились насекомые, наполнявшие воздух мерным жужжанием.

– У них что, вакханалии? – спросил Феофан.

– Наверно да. Причем, судя по венкам, уже третий день.

Сидевший впереди них дородный дядька с плешью во всю голову, нервно дернулся, обернулся и попросил:

– О братья, снимите с моей шеи жука! Только не делайте ему зла, пусть поет с нами во славу неотмирного света...

– На твоей шее нет жука, о незнакомец! – ответил ему Феофан.

Дядька изловчился, хлопнул себя по пояснице, и сказал:

– Теперь его там точно нет...

Феофан наклонился к Иакову:

– Я же не знал, что у него там – шея!

– Ну пусть теперь поет во славу неотмирного света сам.
Без жука, – прошептал Иаков.

– Тише, тише! Пророк идет!

Все, кто был на площади, встали и разом затагнули мотив из трех-четырёх нот: Феофан не без удивления узнал разухабистую матросскую песню, которую слышал от гребцов, когда плыл в Александрию. Феофан шепнул Иакову:

– Я знаю эту песню...

– Я тоже! «Эй, красотка, повернись, тунику одерни...

– Как с тобой бы мы сплелись на зеленом дерне...» – закончил куплет Феофан. – Надеюсь, они не станут петь ее со словами!

– А вот, надо полагать, и красотка...

Через площадь к сцене двигалась процессия с факелами; в середине шествовал Геркулиан – его-то и называли пророком – в такой же, как у всех, белой хламиде. Голова его, однако, не была украшена венком, а с достоинством несла на себе белый колпак, позади которого крепилась мантия из такой же ткани.

Геркулиан, казалось, пританцовывал: в такт пению он через каждые три шага останавливался и хлопал себя ладонью по бедру. Перед ним несли здоровенную медную кадьницу, а сзади шестеро лилипутов держали концы мантии. Лилипуты явно не попадали в ритм движения Геркулиана и путались друг у друга под ногами.

Когда они поравнялись с Феофаном, один из лилипутов ни с того, ни с сего остановился, – остальные, споткнувшись об него, попадали на землю. Колпак Геркулиана на долю секунды завис в воздухе... Геркулиан остановился, подхватил колпак, выдернул у лилипутов мантию, закинул ее через плечо и, как ни в чем не бывало, двинулся дальше, предоставив лилипутам самим вылезать друг из-под друга.

* * *

Наконец, процессия приблизилась к сцене. Все, кто еще сидел, вскочили и замахали руками; почти все держали белые платки, такие большие, что задевали ими друг друга, отчего у многих попадали венки; кое-кто из-за тесноты задевал соседей не только платками, но и руками, поэтому к возгласам восхищения, относившимся, надо полагать, к Геркулиану, примешивались совсем другие тексты...

Несколько сидевших у края сцены женщин встали на колени и простерли руки к проходившему мимо них Геркулиану. Поравнявшись с ними, он принялся раскланиваться...

– Он будет петь или декламировать? – спросил Феофан.

– Ни то, ни другое. Это не театр, это мистерия – он будет учить. Если будет не слишком шумно, можно вздремнуть, – ответил Иаков.

Геркулиан поднялся на сцену, потом вскарабкался на трон и уселся. Лишь через несколько минут, когда пение и прочий шум смолкли, он заговорил:

– Дети мои, внимайте словам мудрости, которые вы слышите. Многие мечтали услышать их, но только вам это было суждено вечностью...

– Нам это обошлось в два сестерция, – шепнул Феофан.

– С вечностью не поторгуешься! – отозвался Иаков...

– Эй вы, там! Вы, вы двое! Тощий и коротышка! А ну хватит болтать! Внимайте и трепещите... – оказывается, Геркулиан заметил их беседу. Пришлось изобразить горячую заинтересованность... Геркулиан продолжил:

– Вы собрались, чтобы прикоснуться к свету, сияющему в небесах! Этот свет и есть высшее бытие, первоначальный свет, который стал архетипом света, просвещающего души людей. Его эманация – лучи света, под их действием материя превращается в кеному, а кенома становится плеромой. Это сила, действующая в космосе, и это – душа мира. Поэтому этот свет действует во всех своих частях, сам себя наполняет и сам себя ограничивает. Все проникнуто его энергиями и благом, это духи божества! Все в мире соответствует своим идеям, но лишь идеи обладают совершенным бытием. Внимайте, чтобы освободиться от материи и стать кеномой. Так мы прикоснемся к чистому свету...

Позади Иакова и Феофана раздался негромкий храп...

– Космос ноэτος, мировой разум, из которого состоит Логос неотмирного света, сияет ярче пламени, но он не есть чистый свет. При его посредстве божество создало

видимые вещи, которые лишь отблески невидимого света идей. Мировой разум приходит к нам, когда высшее бытие ниспосылает на землю мудрых, которые открывают смертным истину...

Феофан повернулся к Иакову и с самой серьезной миной спросил:

– Скажи мне, о Иаков, а может ли мировой разум оказаться глупым?

– Сам, что ли, не видишь?

На этот раз Геркулиан был так увлечен своим рассказом, что ничего не заметил:

– Мировой Логос есть изначальный древний Бог, рядом с которым мир есть юнейший сын, сотворенный через него. Рядом с Богом, почитаемым духовно, есть ни с чем не соединимая тетрада, единая с ним в плероме. А материя, которую вы отбросили, входя сюда, безвольна и тленна, и может лишь желать... Те из вас, кто готов вкусить спасения, должны дать своей душе соединиться с ангелами света и стать сизигием... То есть, когезием... Сизигием, да... – язык Геркулиана явно начал заплетаться... – Несказанна тайна сия, дети мои! Внесите эманацию света!

Откуда-то сзади (скорее всего, из окружавших площадь зданий) загудели трубы, и в правой части сцены открылись потайные врата. Человек десять нубийцев, одетых в белые балахоны, на носилках вынесли к подножию трона здоровенную бочку. Опустив ее прямо перед Геркулианом, они выстроились полукругом и встали на колени. Геркулиан поднялся с трона, склонился над бочкой и глухо завыл:

германских лесах. Потом вываривают в этой настойке незрелый персидский мак, разбавляют нильской водой и подкрашивают какими-то ягодами. Запах, как наутро после хорошей пьянки. Погонщики быков, которые не пьянеют даже от той дряни, что подают в александрийский кабаках, и те падают от этой смеси, как от удара дубиной. По три дня они хохочут и плачут, и видят жуткие видения, от которых иногда сходят с ума. Вот смотри, и эти тоже...

Тем временем вкусившие столь занятного эликсира люди, пошатываясь, расходились по площади и усаживались как попало, кто на скамейки, а кто и прямо на землю. На сцену, с которой неведомо когда и как испарился Геркулиан, вышли несколько музыкантов, вооруженных барабанами и флейтами, и затянули все ту же несложную мелодию, с которой площадь коротала время перед началом действия. Ритм барабанов ли управлял здесь толпой, толпа ли – барабанами... Люди покачивались и пели; то один, то другой вскрикивали, и падали на землю, как мертвые.

– Что это с ними?

– Свет увидали, надо полагать! Пойдем-ка отсюда, пока они не просветлились окончательно и... властны над своими желудками... – прошептал Иаков. – Не стоило сюда приходить.

– Почему? Очень поучительно, только я рецепт не запомнил. Продиктуешь потом?

– Ни за что, а то с тебя станется попробовать, а мне потом отвечай... Бог создал человека умным и трезвым, и дал ему в качестве источника света отражение солнца в глазах

ближнего. М-да, если свет, который в тебе – тьма, то какова же тьма!

– Сильно сказано! Это ты сейчас придумал?

– Нет, это сказал Иисус. Пошли, а то перед Ним неудобно...

* * *

Факелы, освещавшие площадь, догорали, и она все больше погружалась во мрак. Те, кто мог еще двигаться, стали разбредаться кто куда.

– Ты знаешь, куда идти? – спросил Феофан.

– Нет. Пойдем за скену, восточные ворота должны быть где-то там, – задумчиво отозвался Иаков.

Они прокрались вокруг площади, смешались с расходившимися людьми и углубились во тьму. Всего лишь дважды споткнувшись об не в меру просветленных участников праздника, Иаков и Феофан уже почти добрались до ворот, когда из дверей дома раздался громкий голос Геркулиана. Он поносил кого-то на чем свет стоит:

– Я из тебя чучело сделаю! Нубийская рвань! Ты мне за все заплатишь! Где еще сорок? Утром отошлю тебя Макриану, пусть принесет тебя в жертву!

– О великий пророк! Я не знаю, как это получилось! Мы все считали, как ты велел... Пощади меня!

– Я в поте лица тружусь, сею свет и мудрость, а ты даже деньги не можешь сосчитать! Я что, для собственного удовольствия зарабатываю?

– О мудрейший! Их было только двести семьдесят! Я не лгу!

– А почему тогда Ашкар насчитал двести девяносто? Где еще сорок сестерциев? Себе в карман положил? Вот превращу тебя в хеттского орла, и будешь летать с двумя головами, натываясь на каждое дерево!

– Нет, нет! Может быть, это те двое? Которые обозвали нашего буйвола великим Фриктопюги?

– Фрикто... фрикто-что? Вот сейчас получишь пинка в это самое... Что это за люди?

– Мудрейший, это были двое усталых путников, они говорили что-то непонятное и принесли в жертву буйволу мой тюрбан. Они хотели насладиться твоим учением... Но они отдали свои два сестерция...

– За двоих – четыре! Четыре, идиот! Ты разоришь меня...

– Но их привела сюда Герифраста! Что я мог сделать?

– Я тебе покажу Герифрасту, проходимец!

Послышался звон, какой бывает, когда пущенная твердой рукой бронзовая тарелка ударяется в стену... Прямо перед Иаковом и Феофаном из двери выбежал перепуганный страж. За ним, путаясь в мантии, гнался Геркулиан. Вжавшись в стену, Феофан шепнул Иакову:

– Ты был прав, с вечностью не поторгуешься! Между прочим, если ты верно помнишь рецепт, можем быстро разбогатеть!

– Лучше тебе без богатства найти Бога, чем за большие деньги заниматься такой чепухой. Пошли скорее, а то сейчас вся толпа повалит за ворота, – они обычно ночуют за стенами...

За воротами Телль-Хаамири в лунном свете высилось плоскогорье, тянувшееся на восток до самого Пунта. Одна дорога резко поворачивала вдоль плоскогорья на север, к Мемфису и Гелиополю, другая, поднимавшаяся в гору, терялась в сумраке. Прямо перед воротами лежало широкое поле, усеянное шатрами и палатками; стараясь держаться в тени, Иаков и Феофан двинулись к восточной дороге. Им повезло: под утро они нагнали остановившийся на ночевку караван, везший груз папируса к берегам Пунта. Представившись, по обыкновению, купцами, занимающимися торговлей жемчугом, они присоединились к этому каравану и на шестой день почти без приключений достигли Пи-Аконта. Только однажды, проходя мимо государственных каменоломен, им пришлось объясняться со стражей, но известие об эдикте Декия сюда еще не достигло, и никому не пришло в голову заподозрить их в христианстве. Ну и, само собой, пару раз пришлось отбиваться от разбойников, – куда же без них в пустынной местности на торговом пути... Караван был велик, и все обошлось благополучно.

В Пи-Аконте, крохотном городке на берегу Пунта, пришлось задержаться на два дня, пока не нашелся корабль, отправлявшийся в Ецион-Гавер – зато к июльским календам они были уже в Палестине. Иаков предпочел идти туда через Петру и Декаполис: он сказал, что проходить через Иудею небезопасно. Феофан предлагал свернуть в Галилею, но они предпочли не рисковать и на рассвете пятого дня после высадки достигли наконец Кесарии.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

– Ну и как мы собираемся искать Оригена? Не в муниципий же идти о нем спрашивать...

– Между прочим, это ты – Феофан из Кесарии. Ты вроде бы должен здесь всех знать?

– Я ушел отсюда три года назад... Знаешь, я думаю, нам надо пойти к тому месту, где был дом моего отца. Это недалеко, рядом с еврейским кварталом... Идем, я покажу.

На улице, где когда-то жил Феофан, все переменялось; едва не половина домов были отстроены заново, так что он не сразу нашел нужное место...

– Ну, сюда мы пришли. Что дальше? – спросил его Иаков.

– Честно говоря, не знаю. Где-то, конечно, христиане собираются – но кого же тут об этом спрашивать? Можно пойти поискать училище... Оно должно быть где-то в центре, неподалеку от храма Асклепия. Правда, это прямо рядом с преторием...

– Ладно, попробуем – может, просто увидим его... Вокруг него всегда были толпы людей.

На площади перед преторием, несмотря на ранний час, было многолюдно: день был благоприятный для судебных

заседаний, и жители Кесарии и окрестных поселков стекались к преторию в надежде разрешить, наконец, свои тягобы. Должники, мечтавшие получить отсрочку, кредиторы, пытавшиеся вернуть неосторожно ссуженные деньги, земледельцы, добивавшиеся переноса межей на три ладони вглубь соседских владений... Больше всего, впрочем, было тех, кто хотел доказать свою неспособность уплатить налоги. Одетые в поношенные, рваные и грязные одежды, они ждали выхода дуценария, сбившись в плотную толпу перед самым портиком претория.

Через площадь в преторий промаршировал десяток солдат под началом центуриона громадного роста: приближалось время начала заседаний и солдаты стали быстро и умело наводить порядок на площади. Иаков и Феофан зашли в ближайшую харчевню, взяли ячменных лепешек и бобовой похлебки, и задумались.

– Я знаю, что делать! – вдруг воскликнул Иаков. – Пошли!

– Куда?

– К тюрьме.

– Это еще зачем?

– Как ты думаешь, эдикт сюда уже дошел? Он ведь касался всей империи?

– Да и да. И касался, и дошел наверняка: корабль, который привез его к нам, шел отсюда.

– Значит, в тюрьме наверняка есть христиане...

– Ну, если они не скрылись... тогда есть. Но они же в тюрьме!

– Видишь ли, если христиане попадают в тюрьму, – те, кто остался на свободе, стараются помогать им, хотя бы едой.

– Это почему?

– Иисус так велел. Он сказал, что если ты посетил брата в темнице – значит, ты посетил Его самого. У тюрьмы мы непременно найдем братьев... Хотя скорее, все же, сестер. Ты знаешь, где тюрьма?

– Конечно, знаю. Позади претория – в подвалах казарм. Пять минут ходу...

* * *

Через пять минут они и впрямь вышли к казармам. Подвалы, зарешеченные окна которых находились почти на уровне земли, были переполнены узниками. Они прижимались к решеткам, перед которыми ходила стража. В двух шагах от решеток парами прогуливались осторожно озиравшиеся женщины с котомками; было здесь и трое-четверо мужчин.

Двое стражников шли вдоль стены; в середине они встретились и пошли в разные стороны. Как только стражник проходил мимо кого-то из стоявших на улице людей, они бросались к решеткам, вытаскивали из котомок лепешки и кувшинчики и передавали их заключенным, успевая сказать или услышать несколько слов. Доходя до угла, стражники поворачивались навстречу друг другу, и все то-

ропливо отскакивали от стен до тех пор, пока они не пройдут.

– Феофан! Как ты здесь оказался?

– Что ты здесь делаешь, Саллия?

– Тихо! Потом...

Стражники прошли мимо Феофана и Саллии, не обращая на них внимания.

– Я пришла к брату. Ты помнишь Марка?

– Он здесь?

– Да.

– За что... Постой... он что, тоже... по эдикту?

– Да. Я не знаю, что делать... Они с друзьями пошли в горы, а солдаты захватили их по дороге... кто-то донес на них... помнишь алтарь Кибелы над тем ручьем, где мы с тобой... Ну, их заставляли принести там жертву...

– Марк отказался?

– Они все отказались – завтра их казнят, Феофан!

– Я так мечтал увидеть тебя. А ты плачешь... Бедный Марк, он же совсем юный!

– Ему семнадцать. Я так тебе рада... Прости, я не могу не плакать. У отца отнялись ноги... Где же ты был, Феофан!

– Ты же знаешь, что в Александрии!

– А сейчас ты пришел... Феофан, ты простишь меня... ну, за то, что я тогда...

– Давно простил. Не нужно говорить об этом. Саллия, а ты сама...

– Что?

– Ну, ты принесла бы эту жертву?

– Ни за что!

– Саллия, я пришел сюда, чтобы... – договорить Феофан не успел: за его спиной раздался шум. Обернувшись, он увидел, что стражники схватили Иакова.

* * *

Оказалось, что пока Феофан смотрел на Саллию (и ничего не видел кроме нее), Иаков подошел к решетке и заговорил с одним из заключенных. Когда стражник поравнялся с ним, он не успел посторониться... Солдат подождал немного, ожидая, что Иаков даст ему пройти – но терпения ему хватило ненадолго.

– Мало того, что ты болтаешь с преступниками, ты еще и у меня под ногами путаешься! Христиан – ко львам! – рывкнул солдат.

На этот крик подбежал второй:

– Разговаривать с заключенными запрещается! Префект запретил разговаривать!

Иаков выпрямился, медленно повернулся к говорившему и с побагровевшим от гнева лицом произнес:

– Я свободный человек, и мне нужно поговорить с другом. Если префекту это не нравится – пусть придет и скажет мне это сам. Префект – еще не Господь Бог.

– Ты христианин! Префект ему не господин видите ли! Сейчас ты у меня наговоришься со своим другом!

Недолго думая, солдаты подхватили Иакова и кликнули подмогу. Из казармы выбежали еще четверо, и быстро поволокли его...

Феофан ринулся было к Иакову – Саллия еле успела схватить его за хитон:

– Феофан, хоть ты... Нет!

Иаков, обернувшись, встретился глазами с Феофаном. Его взгляд был на удивление спокоен и прозрачен; он показал глазами на суму, в которой у Феофана лежали письма и свитки, потом быстро обвел глазами стоявших на площади людей.

– Передай... – только и успел крикнуть Иаков, когда солдаты втолкнули его в казарму; оставшиеся стражники начали копьями отгонять христиан от тюрьмы.

Растерянный Феофан вспомнил, как еще перед Но-Амоном, когда на них напали разбойники, Иаков отдал ему письма Дионисия и Амвросия.

– Саллия, ты должна мне помочь! Где мы можем поговорить?

– Я боюсь идти домой... Отец запретил мне приходить сюда!

– Отведи меня к Оригену. Я должен передать ему письма и книги.

– Феофан, он здесь!

– Кто?

– Ориген! Он в этой самой тюрьме – его схватили одним из первых.

– О боги! Зачем Иаков отдал письма мне! Что же мне делать?

- Эти письма... они такие важные? От кого они?
- Одно от Дионисия, епископа христиан Александрии, – его обязательно надо передать.
- Пойдем к Филиппу, может быть, он что-нибудь придумает?
- Какому Филиппу? Гончару?
- Да, но он не гончар... То есть, не только гончар. Он – наш епископ.
- А Марк?
- Я уже ему все передала. Пойдем.

* * *

Филипп, епископ Кесарии, жил в небольшом доме на самой окраине. Отец Феофана тоже был гончаром, и Филипп отлично помнил их обоих. Когда Феофан рассказал Филиппу, в чем дело, тот сказал:

– Я не знаю, что делать. Может быть, вечером или на рассвете кому-нибудь удастся еще поговорить с узниками... Страшно кого-то просить об этом... На завтра назначена казнь, а кого будут казнить – мы не знаем. Может быть, всех, а может быть – только некоторых. Я боюсь посылать за братьями... Мне кажется, за моим домом следят вигилы.

– Все равно. Я должен передать письмо.

– Быть может, не стоит рисковать... Ну, письмо... А человек может погибнуть!

– Это письмо Дионисия. Он хотел, чтобы Ориген знал, что Дионисий готов принять его и спрятать в пустыне – если Ориген захочет вернуться. Он так хотел примириться с Оригеном!

– А что с самим Дионисием?

– Я оставил его в одном заброшенном оазисе, там вроде безопасно... Хотя кто знает...

– Давно это было? Может, его уже нет в живых?

– Больше трех недель назад. Если Дионисий погиб, письмо тем более надо передать. Я знаю, что сделал бы Иаков...

– Что?

– Он бы помолился. Что сказал бы обо всем этом Иисус?

– Иисус говорил: мирись, пока ты еще на пути к судье. Помолимся.

Они пошли в дальнюю комнату, где на стене висел крест – совсем такой же, как у Гая в Фаюме. Опустившись на колени, Феофан остро почувствовал, как ему не хватает Иакова...

– Услыши молитву рабов Твоих, Господь наш, – начал Филипп. Потом он развернул свиток, и стал читать:

«Если бы не Господь был с нами, да скажет Израиль, если бы не Господь был с нами, когда восстали на нас люди, то живых они поглотили бы нас, когда возгорелась ярость их на нас; воды потопили бы нас, поток прошел бы над душою нашею; прошли бы над душою нашею воды бурные. Благословен Господь, Который не дал нас в добычу зубам их! Душа наша избавилась, как птица, из сети ловящих: сеть

расторгнута, и мы избавились. Помощь наша в имени Господа, сотворившего небо и землю».

Когда Филипп дочитал псалом, Феофан поднял голову и посмотрел на крест:

– Иисус, наверное, мне нельзя обращаться к Тебе. Я мало знаю о Тебе... Но эти люди, которые называют себя Твоими учениками – они... Я не знаю, что в них тако-го... И я не знаю, что делать. Если Ты хочешь, чтобы я передал письмо, – помоги мне.

– Вразуми нас, Господь! Я так хотела, чтобы Феофан пришел, – а теперь мне так страшно... Иисус, помоги ему! – тихонечко прошептала Саллия.

А потом они просто сидели и молчали. Просто молчали. Феофан боялся посмотреть на Саллию, а она – на него. Наконец Феофан поднялся и сказал:

– Я пойду к тюрьме.

Саллия пыталась удержать его, даже расплакалась. Посмотрев ей в глаза, Феофан спросил:

– Разве ты могла бы полюбить предателя? – и ушел.

* * *

Феофан шел по знакомым с детства улицам. Вон там, за поворотом, жили друзья отца. А там – там был колодец, около которого он познакомился с Саллией. А эта улица вела к воротам, через которые он бегал купаться... И везде было так хорошо...

– Ты – распятый софист, – еле слышно бормотал Феофан. – Ты даже Сам не смог не умереть. Ты даже не смог выдержать смерть, достойную человека. Зачем я вообще встретил вас всех? Ты просто распятый софист... Все Твои ученики гибнут из-за Тебя. Жизнь так хороша, а они умирают. И все мы умираем. Ты – распятый софист, и больше ничего. Они говорят, что Ты учил любить... Ну где же Ты? Почему Ты всегда молчишь?

И тут Феофан вспомнил то, что так не хотел вспоминать: когда человек умирает на кресте, каждый вздох ему приходится делать, опираясь на пробитые гвоздями ноги. Распяты, которых он видел, вдыхали совсем чуть-чуть, и сразу начинали кричать от боли. Если они и могли говорить, то только очень тихо...

Улица перед тюрьмой была пуста; те же самые стражники стояли у входа в казарму. Феофан дошел до них, потом повернулся и пошел вдоль стен казармы. Пройдя шагов двадцать, он снова развернулся, подошел к солдатам, и сказал:

– Я хочу попасть в тюрьму.

– Иди отсюда, парень, а то хуже будет! – ответил один из солдат.

– Мне нужно попасть в тюрьму.

– Я что сказал? Пошел вон!

– Я христианин!

– Не болтай ерунду! Небось, хочешь, чтобы тебе тоже передачи носили, вместо того, чтобы зарабатывать на хлеб?

– Иисус – Господь! – на всю улицу крикнул Феофан. – Никаких других богов нет, и Цезарь – тоже не Бог!

Из казармы выскочил разъяренный центурион, схватил Феофана за шиворот – тот и не сопротивлялся – и поволок его внутрь. Столкнув его с ведущей в подвал лестницы, он приказал бросить его в четвертую камеру – самую темную, потому что ее решетка выходила во двор. Стоявший в коридоре стражник втолкнул его в камеру с такой силой, что Феофан пролетел до самой стены и растянулся на полу. Когда он очнулся, рядом с ним на корточках сидел Иаков; с другой стороны прямо на полу – еще один, незнакомый, человек. Его худое лицо с тонкими подвижными губами было порядком избито, правый глаз заплыл. Больше ничего Феофан в темноте не разглядел...

– Познакомься, Феофан, – сказал Иаков. – Это Ориген.

* * *

Когда Феофан немного пришел в себя, он отдал Оригену письма и свитки. Письмо Амвросия и свитки тот отложил в сторону, а письмо Дионисия развернул, внимательно прочитал, и сказал Феофану:

– Спасибо тебе, Феофан! У тебя красивый почерк – ведь это ты писал?

– Да, я, – ответил Феофан. А что ты ответишь?

– Я, увы, уже не смогу ответить, тем более воспользоваться приглашением Дионисия, но я счастлив, что он меня

позвал. Я все-таки остался александрийцем... Иаков уже рассказал мне о вашем путешествии... Но как же ты здесь-то оказался?

– Я сказал стражникам, что я – христианин.

– Так это ты кричал на весь город, что Цезарь – не Бог?

– А что мне оставалось?

– Эх, не видать тебе германских девушек... – вздохнул

Иаков. – Центурион сказал, что завтра нас всех казнят.

– Всех? – уточнил Феофан.

– Так он сказал! – ответил ему Ориген.

– Ну, значит, германских девушек мне и впрямь увидеть не суждено... Честно говоря, я надеялся, что как-нибудь обойдется. Не обошлось. Что теперь делать?

– Что ты имеешь в виду? Тут нечего делать – только сидеть и ждать утра. И молиться, конечно. Думать, впрочем, тоже можно.

– И ради этого вы стали христианами? Юпитер давно бы вытащил вас отсюда!

– Может быть, и вытащил бы, если бы существовал... Но его не существует.

– А Иисус нас никак не вытащит?

– Куда? Все равно рано или поздно придется пройти через смерть. Иисус сказал, что верующий в Него, если и умрет, оживет. Как зерно, которое падает в землю: оно умирает, чтобы принести плод. Мы все уже умерли, когда отдали Ему право распоряжаться нашей жизнью – и смертью. Это стражники думают, что мы ждем казни. А мы ждем встречи.

– Хорошо вам!

– Что значит «вам»!

– Ну, я же не стал христианином. Как у вас это делается?

– Ты приходишь к Иисусу, и говоришь Ему, что хочешь быть Его учеником. И потом умираешь: сначала омываешься водой, потом живешь, как подобает Его ученикам, потом умираешь телом, а потом – воскресаешь.

– Это как?

– Скоро увидим, – заметил Иаков.

– Ну вот, а я даже ничего не успел Ему сказать. Тем более – водой... А времени быть Его учеником осталось совсем ничего – до утра. Я не увижу Его?

– Во-первых, мы не измеряли Его милосердия. Во-вторых, Он-то тебя уже видит... – сказал Ориген.

– Каким образом?

– Он обещал, что будет среди нас там, где мы будем собораны во имя Его, – здесь тоже. А в-третьих, еще не поздно. Немного воды у нас и здесь есть. Ты можешь стать христианином прямо сейчас.

Феофан долго молчал, а потом спросил:

– И тогда мне нельзя будет утром отречься, принести жертву и уехать на германскую границу?

– Тебя никто не будет держать – кроме твоего сердца... Или совести...

– Что нужно делать?

В зарешеченное окно вливался предрассветный холод. Ориген переполз, опираясь на руки (его ноги были искалечены пытками), закутался в порванный на плече хитон, сел перед Феофаном и тихо сказал:

– Господи, благослови! Я буду задавать тебе вопросы, а ты отвечай на них – так честно, как только можно.

– Хорошо.

– Ты веришь в Единого Бога, Творца неба и земли?

– Не знаю. Наверно, да – раз уж я здесь. Я не знаю о Нем ничего...

– Проси у Него прощения за это.

Феофан помолчал, а потом сказал:

– Единственный Бог, прости меня, что я не знаю Тебя и не думал о Тебе.

– Хочешь ли ты увидеть Его?

– Я хочу узнать Его. Что бы там ни было... Все равно хочу Его увидеть.

– Ты делал людям зло?

– Да. Немного, но уже ничего не исправишь...

– Отрекись от этого.

– Я отрекаюсь от всего плохого, что сделал, – даже когда не понимал этого. Прости меня, Бог!

– Разрешаешь ли ты Иисусу из Назарета, умершему на кресте и воскресшему в третий день, быть Господином твоей жизни и смерти?

– Да.

– Обещаешь ли прожить жизнь... остаток жизни, одражая Ему?

– Да.

– Сможешь ли ты это сделать?

– Нет.

– Проси Его о помощи.

– Иисус, помоги мне прожить остаток жизни Твоим учеником.

– Кто поручится за Феофана перед Господом Иисусом?

– Я, – раздался из темноты голос Иакова.

– Иаков, дай мне воду...

Иаков подал Оригену кружку, в которой оставалась пара глотков воды. Ориген взял ее в руки, приподнял и сказал:

– Господь Иисус Христос, Сын Бога живого! Брат наш Иаков и мы с ним свидетельствуем перед Тобой, что Феофан хочет быть Твоим учеником. Мы приносим Тебе эту воду – тут он заглянул в кружку и вздохнул – и просим Тебя, омой ею сердце Феофана. В воде нет жизни для человека, и без воды ничто не живет из созданного Тобою. Здесь очень мало воды, и мы не можем погрузить в нее Феофана; Ты сам восполни то, что нам не под силу. Пусть он выйдет из этой воды Твоим учеником к жизни вечной. Феофан, встань на колени и наклони голову...

Феофан, не вставая во весь рост – да он и не смог бы этого сделать, потому что потолок камеры был очень низок, – склонился перед Оригеном.

– Омывается раб Божий Феофан во имя Отца, Сына и Святого Духа.

Из разных углов камеры раздались голоса – оказывается, там были люди! Все они сказали: «Аминь, да будет так!», а Ориген продолжил:

– Сегодня Феофан стал нашим братом. Услышим слово, которое говорит ему Иисус!

Потом Ориген еще около часа наизусть читал Феофану Евангелие, пока не наступил рассвет.

* * *

На рассвете в камеру вошел дежурный центурион и четверо солдат. Осмотрев заключенных в свете факелов, центурион сказал:

– Значит, так. Старика (центурион показал на Оригена) оставим здесь, от него все равно толку не добьешься. Лучше пусть его никто не видит. Эти трое еще слишком молоды, пусть тоже остаются. А остальных выводите на площадь.

– Я пойду вместе с ними, – заявил Ориген. – Я могу идти.

– Ты даже ползти не можешь, того и гляди помрешь. И вообще, тебя не спрашивают. Здесь я командую! – процедил центурион.

Солдаты отдали факелы центуриону и быстро связали руки Иакову, Феофану, и еще четверым христианам. Трое подростков пытались встать рядом с ними, но солдаты отшвырнули их в дальний угол камеры. Один из них – совсем юный – заплакал, не то от боли, не то от обиды. Связанных

христиан привязали к одной веревке (первым оказался Иаков, за ним – Феофан, а потом – все остальные) и вытащили из камеры. Один из солдат сказал при этом:

– Ну прямо рыбки на веревочке!

– Отплавались эти рыбки, – отрезал центурион.

Посреди оцепленной солдатами площади стояли статуя Цезаря, а напротив нее – огромная изрубленная колода, покрытая бурыми потеками. Около этой колоды стояли еще солдаты; один из них держал в руках меч. Перед статуей Цезаря стоял медный котелок с углями, а рядом с ним – кувшин вина и миска с зернами ладана. За оцеплением толпилась кучка горожан, среди которой Феофан заметил Саллию.

Связанных вместе христиан вывели на середину – вернее будет сказать, что их выволокли, потому что державшие концы веревки солдаты почти бежали, а христиане (кроме Иакова и Феофана), сидевшие в тюрьме уже почти месяц, еле передвигали ноги. Когда солдаты остановились, Феофан уткнулся Иакову в спину.

– Если я правильно помню, Дионисий утверждал, что сейчас – самое время славить Иисуса... – шепнул Феофан.

– Именно, – ответил Иаков. – Повторяй за мной. Благословен Господь Бог Израилев...

– Благословен Господь, Бог Израилев, – произнес Феофан.

– Что посетил народ Свой и сотворил избавление ему...

– И воздвиг рог спасения нам в доме Давида, отрока Своего...

– Что посетил народ Свой и сотворил избавление ему, – к Феофану присоединились и другие христиане.

– А ну заткнитесь все, – заорал центурион. Он вытащил меч, рубанул по связывавшей Иакова с остальными веревке, и поставил его между статуей Цезаря и плахой.

Судебный чиновник (а может, просто писец) объявил, что Иакову предоставляется выбор: принести жертву генералу императора и обрести свободу – или погибнуть.

– Как возвестил устами бывших от века святых пророков Своих, – прозвучал голос позади Феофана.

– Как возвестил от века...

Удар в челюсть свалил Феофана с ног; поднимаясь, он увидел, что Иаков уже стоит на коленях перед плахой. Феофан закрыл глаза – но закрыть уши он не мог, и услышал сначала свист меча в воздухе, затем хруст, глухой удар и звук падения чего-то тяжелого. А потом центурион снова разрубил веревку – на этот раз позади Феофана.

Феофану тоже было объявлено про выбор между жертвой и плахой. Феофан опустил голову, помолчал секунду, и сказал:

– Иисус! Я хочу, чтобы Ты был моим Царем. Хайре Кириос Иисус!

Феофана толкнули на плаху. Он больно ударился лицом об окровавленное дерево...

А потом его убили.

Примечания

- Стр. 2, *муниципий* (лат. municipium) – административная единица в Римской империи, как правило, небольшие романизированные города в провинциях, жители которых были римскими гражданами с правом голоса. В муниципиях, как и в Риме, избирались чиновники и создавался городской совет, называвшийся сенатом. Также – здание городского сената.
- Стр. 2, *префект претория* (лат. praefectus praetorio) – начальник преторианской гвардии (телохранителей римских императоров); фактически глава военной администрации империи.
- Стр. 2, *Оксиринх* (греч. «город остроносой рыбы») — название древнеегипетского города Пемдже между Нилом и Ливийской пустыней, неподалеку от Каира.
- Стр. 2, *курульный эдил* – эдилы (лат. aedilis, от aedes – храм) в Древнем Риме ведали общественными играми, надзором за строительством и содержанием храмов. Курульные (из патрициев) эдилы, носили тогу с пурпурной каймой и имели право на другие знаки почета, например, курульное кресло.
- Стр. 2, *Фаюм* – город и оазис в Среднем Египте, со всех сторон окруженный Ливийской пустыней.

- Стр. 3, *трость* (тростина) – стебель тростника, из которого в Египте и в античном мире изготавливали тростниковое перо для письма.
- Стр. 3, *Гай Мессий Квинт Траян Деций* – римский император в 249–251 гг., издал эдикт об обязательном для всех поклонении Гению императора (божеству, покровителю императора) и воздвиг на христиан одно из самых жестоких гонений, впервые проводившееся по всей империи одновременно.
- Стр. 3, *либелли* (мн.ч. от либеллум) – папирусные бланки, которые заготавливались во время гонений во огромном количестве. При принесении жертвы жителем империи чиновник вписывал на пустые места в либеллуме имя и приметы человека; там же ставились подписи свидетелей жертвоприношения. Либеллум служил документом, удостоверяющим лояльность императору.
- Стр. 5, *Александр Север* – римский император в 222–235 гг. За все годы правления не вынес ни одного несправедливого приговора, прекратил казни без суда; при нем христиане пользовались относительной безопасностью.
- Стр. 7, *Лукиан Самосатский* – знаменитый греческий писатель-сатирик (ок. 120 – 180 гг. н. э.). В своих произведениях защищал чистоту и красоту эллинизма от суеверий, ханжества и варварства. К христианству относился враждебно.
- Стр. 10, *...в письме Симона Петра...* – 1 Пет. 3:15.
- Стр. 11, *Максимин* – Гай Юлий Вер Максимин Фракиец, римский император в 235–238 гг., в отличие от своего предшественника Александра Севера был нетерпим к христианам.
- Стр. 11, *кровь мучеников – семя собрания* – парафраз древнехристианской максимы «Кровь мучеников есть семя христианства».

- Стр. 12, *терапевты* (греч. θεραπευτής, поклоняющиеся) – общины аскетов 1 в. н.э., описанные в труде Филона Александрийского «О созерцательной жизни» (*De vita contemplativa*). Терапевты жили уединенно, каждый в своей келье, проводя время в молитвах, размышлениях, учении; временами они собирались на торжественные ночные службы, где пели религиозные гимны.
- Стр. 12, *Аполлоний Тианский* – полулегендарный философнео-пифагореец 1 в. н.э.; «Жизнь Аполлония Тианского» – сочинение Флавия Филострата Младшего (ок. 170-244/49 н. э.).
- Стр. 16, *обернулся быком и слямзил Европу* – имеется в виду миф о похищении Зевсом Европы, дочери финикийского царя. По легенде, Зевс явился Европе в виде белого быка и похитил её, увезя на своей спине на остров Крит.
- Стр. 17, *прощайте и будете прощены* – ср. Мф. 6:12.
- Стр. 20, *Dominus et Deus* (лат.) – букв. «Господь и Бог», один из титулов римских императоров.
- Стр. 20, *валентиниане* – последователи гностического религиозно-философского учения Валентина (2 в. по Р.Х.).
- Стр. 20, *Гордиан III* (Марк Антоний Гордиан Пий) – римский император в 238-244 гг.
- Стр. 21, *свт. Киприан Карфагенский* – епископ Карфагена, богослов, много писавший об отступничестве и расколах среди христиан. Во время гонений при императоре Валериане (253—260) был сначала отправлен в ссылку, а спустя год казнен.
- Стр. 21, *коллегия* – в Древнем Риме объединение людей, связанных отправлением культа или профессией (коллегии жреческие, ремесленников и др.); коллегиями руководили (и представляли их перед властями) т. наз. смотрители (греч. ἐπίσκοπος, епископ).

- Стр. 21, ...*хотя Иисуса могли там арестовать...* – ср. Ин. 11:1–8.
- Стр. 21, ...*сделанное одному из людей сделано Ему...* – ср. Мф. 25:40.
- Стр. 23, свт. *Дионисий* Александрийский (умер ок. 265) – епископ Александрии и патриарх северо-восточной Африки с 246 г. Когда при императоре Деции начались гонения, Дионисий избежал заточения, спешно покинув Александрию, однако ему пришлось пережить много лишений и тягот в Ливийской пустыне, прежде чем он смог вернуться обратно.
- Стр. 23, *сакрилеги* (букв. святотатцы) – распространенное в то время обвинение против христиан. В римском праве понятие *sacrilegium* означало и похищение священных предметов, и посягательство на законы о религии.
- Стр. 24, *катехумены* (оглашенные) – лица, готовящиеся к Крещению. В описываемую эпоху такая подготовка занимала от одного до трех лет.
- Стр. 24, *фрументарий* – судебный чиновник, исполнявший функции сыска.
- Стр. 25, *терапевты...* – игра слов: греч. *θεραπευτής* означает почтитель, поклонник, придворный, а *θεραπευτικός* – услужливый, поддобоострастный, заискивающий.
- Стр. 25, *примипилан* – первый (старший) центурион легиона.
- Стр. 26, *Ориген* Александрийский (185-254) – знаменитый ученый и богослов, возглавлявший христианские училища в Александрии и Кесарии. В гонение Деция был брошен в тюрьму и подвергнут пыткам, от которых вскоре умер.
- Стр. 26, *Иеракл* – епископ Александрии в 233–246 гг.
- Стр. 26, *Димитрий* – епископ Александрии в 189–231 гг.
- Стр. 27, *деспот* (греч. *δεσπότης*, господин, повелитель, властелин) – в восточной Римской империи титул соправителя императора.
- Стр. 27, *Jus gladii* (лат.) – букв. «право меча», право осуждать на смерть.

- Стр. 28, *Кто из вас хочет быть большим, да будет всем слугой* – Мф. 20:26.
- Стр. 28, *Лютеция* – древнее поселение на месте современного Парижа.
- Стр. 28, *Лондиний* – римское название Лондона.
- Стр. 31, *вигилы* – полувоенная ночная стража в Римской империи; выполняли полицейские функции и боролись с пожарами.
- Стр. 32, *Придите, воспоем Господу...* – Пс. 94.
- Стр. 33, *Christianes ad leones* (лат.) – букв. «христиан – ко львам», этими словами в Римской империи толпа требовала умиротворения христиан на аренах цирков.
- Стр. 34, *Веспасиан* Тит Флавий – римский император в 69–79 гг. по Р.Х., начал Иудейскую войну (66–73), которую его сын Тит закончил разрушением Иерусалима и Храма.
- Стр. 34, *Тибериус* Клавдий Нерон – римский император в 14–37 гг. по Р.Х.
- Стр. 34, *через «йоту», не через «эту»* – греческие слова χριστος, помазанник (Христос) и χρηστος, благой, добрый, отличаются в написании одной буквой, а в устной речи почти не различимы. По латыни в древности оба эти слова могли передаваться и как christos, и как chrestos.
- Стр. 35, *не поэзис, а поэзию* – игра слов: греч. ποιησις означает и сотворение (в т.ч. сотворение мира), и поэтическое искусство.
- Стр. 35, *Все мы блуждали, как овцы...* – Ис. 53:6–7.
- Стр. 37, *Благослови, душа моя, Господа* – Пс. 102.
- Стр. 38, *лента*, украшенная изображениями креста, является обязательной частью священнического облачения; в более поздние времена стала называться епитрахилью.
- Стр. 38, *...и как невесту украсил убранством...* – Ис. 61:10.

- Стр. 38, *Κύριε, ἐλέησον* (греч.) – Господи, помилуй.
- Стр. 40, *евангельское чтение* – Ин. 15:1-25.
- Стр. 41, *...а у вас пусть будет один учитель – Христос...* – Мф. 23:7-8.
- Стр. 44, *текст литургии* – Литургия эфиопского текста Апостольских Постановлений; в кн.: Собрание древних литургий, М., Даръ, 2007.
- Стр. 44, *фиестовы (тиестовы) пиры*, где употреблялись в пищу человеческие мясо и кровь – одно из обвинений, предъявлявшихся христианам в римскую эпоху.
- Стр. 44, *атеистами* (лат. *atheist*) в римскую эпоху называли тех, кто не почитал общепринятых (государственных) богов.
- Стр. 48, *настойка из индийской ареки* – слегка наркотическое слабительное средство; в римских харчевнях его (как и другие настойки, птичьи перья и пр.) держали для облегчения желудков переживших посетителей.
- Стр. 49, *серебра твоего не давай в рост* – Лев. 25:37.
- Стр. 54, *цензор* – должностное лицо в древнем Риме, ведал оценкой имущества граждан, следил за поступлением налогов и общественной нравственностью.
- Стр. 55, *Иисус перед смертью умыл ноги ученикам* – ср. Ин. 13:1-15.
- Стр. 56, *Филон* – имеется в виду Филон Александрийский (ок. 25 до н.э. – 50 н.э.), иудео-эллинистический богослов.
- Стр. 56, *логос* (греч. λόγος) – слово, смысл.
- Стр. 57, *Даже если я пойду и долиною смертной тени...* – Пс. 22:4.
- Стр. 57, *Марк Аврелий Антонин* – римский император в 161–180 гг.
- Стр. 59, *ликторы* – служители, составлявшие почетный эскорт высших римских магистратов: консулов, диктаторов и цезарей.
- Стр. 60, *Если двое согласятся просить об одном, дано будет им* – Мф. 18:19.

- Стр. 61, *мисты* – участники древних мистериальных культов.
- Стр. 62, *Элксай* – гностик 1 века н. э.
- Стр. 62, *скена* (греч. σκηνή) – сцена.
- Стр. 63, *вакханалии* – в римской религии празднества в честь Вахха (Диониса), бога виноделия.
- Стр. 64, *ироническое описание учения Геркулиана: архетип* (греч. ἀρχέτυπος) – первоначальный; *эманация* (лат. emanatio) – истечение; *кенома* (греч. κένωμα) – пустота; *плерома* (греч. πλήρωμα) – полнота; *космос ноэтос* (греч. κόσμος νοητός) – «умный космос»; *тетрада* (греч. τετράδιον) – четверица; *сизигия* (греч. συζυγία) – соединение, связь; *демиург* (греч. δῆμιουργός) – создатель, творец, также ремесленник, изготовитель чего-либо.
- Стр. 65, *сома* – священный напиток в ряде древних религий.
- Стр. 66, *ироническое описание рецепта сомы* – изначально сома, согласно Ригведе, изготавливалась из одноименного растения; позднее его стали заменять мухоморами. Точного рецепта не сохранилось.
- Стр. 67, *...если свет, который в тебе – тьма, то какова же тьма...* – Мф. 6:23.
- Стр. 69, *дуценарий* – в позднем Риме офицер, начальник отряда в 200 человек, а также начальники некоторых канцелярий, сборщики податей, судьи.
- Стр. 70, *...посетил Его самого...* – ср. Мф. 25:34-40.
- Стр. 72, *...миришь, пока ты еще на пути к судье...* – ср. Мф. 5:25.
- Стр. 72, *Если бы не Господь был с нами...* – Пс. 123.
- Стр. 74, *...если и умрет, оживет...* – ср. Ин. 11:25.
- Стр. 74, *...умирает, чтобы принести плод...* – ср. Ин. 12:24.
- Стр. 76, *Благословен Господь, Бог Израилев* – Лк. 1:68.

